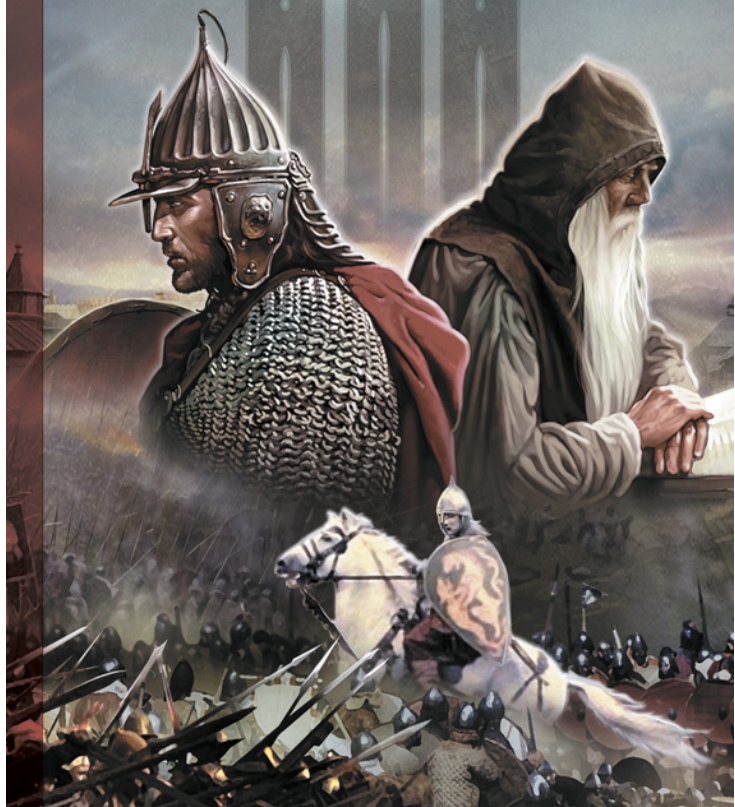

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ЯЗЫЧНИК

Александр Владимирович Мазин

Язычник

Серия «Варяг», книга 5

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173995

Язычник: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2008

ISBN 978-5-17-055152-1, 978-5-9725-1412-0

Аннотация

Кто он, внебрачный сын великого Святослава, язычник-братоубийца, силой захвативший великокняжий престол?

Кто он, Владимир Красное Солнышко, положивший начало страшным княжым усобицам, муж многих жен, правивший Русью долгих тридцать семь лет?

Кто он, равный апостолам креститель Руси святой князь Владимир, заложивший фундамент будущей великой державы?

Кто он?

Содержание

Предисловие автора	4
Пролог	12
Часть первая	18
Глава первая	18
Глава вторая	33
Глава третья	47
Глава четвертая	53
Глава пятая	62
Глава шестая	68
Глава седьмая	83
Глава восьмая	95
Глава девятая	101
Глава десятая	113
Глава одиннадцатая	124
Глава двенадцатая	138
Глава тринадцатая	144
Глава четырнадцатая	152
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Александр Мазин

Язычник

Предисловие автора

Сразу признаюсь: еще три года назад я совершенно определенно говорил: писать о великом князе Владимире Святославовиче я не буду.

Почему? Страшно.

Образ князя Владимира, который выростал в моем сознании в процессе сопоставления литературных источников, вариантов отечественных летописей, зарубежных хроник и археологических данных, — образ этот мне нравился все меньше и меньше. Противоречивые гипотезы ученых — историков и филологов — только ухудшали ситуацию. Мой образ Владимира все дальше уходил от той величественной фигуры, которая возникает в сознании каждого православного человека, да и не только православного — любого закосневшего атеиста, который еще помнит школьный курс истории. Святой князь Владимир оказывался не просто далек от идеала. Он был ему прямо противоположен. Правитель жестокий и беспринципный даже для своего сурового времени, Владимир Святославович пришел к власти под знаменем воинствующего язычества и, заняв киевский стол, старательно и без-

жалостно выжег все ростки христианства, посаженные княгиней Ольгой (и успешно укоренившиеся). А затем, в угоду политической конъюнктуре, предал тех, кто привел его к власти, и не менее безжалостно и последовательно осуществил насильственное (зачастую – огнем и мечом) крещение собственного народа.

Стоит ли эксгумировать прошлое, если в результате будет поражено настоящее? Святой князь Владимир – это ведь не только исторический персонаж. Это – *исторический миф*.

А что есть исторический миф?

Это основа народного самосознания.

Краеугольный камень того фундамента, на котором стоит великая культура великого народа. Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый...

Это не имена – это Символы. Догмы. Для социума же правильный, позитивный *символ* намного важнее, чем правда о его историческом прототипе. Одно дело – копаться в истории, чтобы удовлетворить собственное любопытство, а совсем другое – вытащить на всеобщее обозрение тот самый «краеугольный камень». Причем уже зная, что зрелище будет далеко не благолепное.

Дело даже не в том, что Владимир – центральный столп православной веры.

Настоящую веру никакими историческими экскурсами подорвать невозможно, иначе это и не вера вовсе, а всего

лишь убеждение.

А вот социальную основу православия как культурной традиции жестокий и прагматичный политик Владимир в роли Крестителя Руси точно не укрепит.

«Ага! – обрадуются все недоброжелатели Православной Церкви. – Мы знали, мы знали, что они всё врут! И летописцы ихние всю историю по-своему переписали!»

А ведь действительно переписали. Хотя даже того, что осталось...

Враги возрадуются, друзья огорчатся, а сомневающиеся – отвернутся.

Будь я правильным ученым-историком, меня подобный социальный аспект ничуть не смутил бы. Вот вам, уважаемые коллеги, факты, которые нарыты. Вот научная теория, на основе этих фактов сработанная. Вот реферат диссертации на соискание ученой степени (тираж – 100 шт.) и статья в научном журнале (тираж – 200 шт. + рассылка в Инете). Честно проделанная работа, о которой будет знать лишь узкий круг коллег... Которым и так все известно.

Но я не ученый-историк. Я – писатель. Книгу, которую я напишу, прочитают не двести специалистов, а минимум полмиллиона человек. И некоторые из них (не дай-то Бог!) усомнятся в православных догматах. А православие, что бы там ни утверждали последователи воинствующего атеизма, это такая важная часть нашей культуры, что вынь эту часть – и ничего от этой культуры не останется. Один гламур и

парадирующие секс-меньшинства.

Словом, есть в историческом фундаменте такие камни, которые лучше не трогать. Поелику – краеугольные.

Нет, такого Владимира я написать не мог. А другого...

Я честно искал в сыне Святослава положительные черты – и не находил их.

Но я чувствовал: что-то остается за кадром. Что-то, спрятанное в многократно переписанных, более или менее отшлифованных летописях.

Я пытался понять – что? И не мог.

Я дико завидовал тем, кто пишет исторические романы, опираясь на скандинавские саги. Крестители Швеции, Дании, Норвегии – они понятны. Их логика и мотивация, их действия и образ мыслей – вот они, на блюдечке.

А вот для понимания Владимира чего-то не хватало.

Русские летописи не облагораживали внебрачного сына Святослава. Зарубежные источники – тоже. Зато те и другие отмечали: крестившись, Владимир переменился. Кардинально. Это было непонятно. Факты гласили: Владимир принял крещение не потому, что *прозрел*. У него была конкретная цель – получить в жены порфирородную кесаревну. Причем это было просто условие, а не часть сделки. Плата за принцессу – военная помощь в подавлении вспыхнувшего в империи восстания. Если верить нашим источникам, Владимир «продал» Византии несколько тысяч собственных воинов. Византийские источники позволяют допустить, что он

не продал их, а повел сам. Лично. Впрочем, это тоже не более чем предположение. Допустимо, но не бесспорно.

Как было на самом деле, мы не узнаем никогда. Так же, как никогда не узнаем доподлинно, где именно Владимир принял крещение.

Но мы знаем точно: Владимир крестился. И крестил своих подданных, причем сделал это так, что нанес непоправимый вред собственной популярности. Зачем?

Владимир-язычник – понятен. Будучи слабым – бежал. Став сильным – напал. Не очень ясно, зачем он *убил* Ярополка. Все-таки брат... Но и этому можно найти объяснение. Например, чисто языческими правилами правопреемственности. Еще в античные времена царь был звеном между народом и богами. Если царь убит, значит, боги поддержали не его, а соперника. Закономерный вывод: убийца царя получает законное право на приоритет в общении с богами.

И – как следствие – на престол убитого. Понятно и логично искоренение христиан, разграбление и разрушение церквей. Победитель расправляется с побежденными, повышает собственное благосостояние и попутно выстраивает свою инфраструктуру управления. Собственную паутину власти. Жестокость тоже вполне естественна. Языческие боги любят человеческую кровь.

Однако крещение Руси происходит совсем в других условиях. Владимир уже не молодой и жадный завоеватель. Он – зрелый и опытный единовластный правитель. Самодержец.

У него мощное войско, немалые средства и целая прорва наследников. У него надежные союзники и немалый авторитет. И он *уже* получил свою царевну. Константинополь не может ему диктовать, как именно следует крестить народ. Не те у них взаимоотношения. После фокуса с подменой кесаревны Владимир мог вообще пересмотреть условия соглашения. Он и пересмотрел их, когда занял Корсунь-Херсонес. Ему никто не мешал провести религиозную «реформу» плавно и постепенно. Как это делала его бабка Ольга. А Владимир взял да и порубил народных кумиров. В щепки. Демонстративно. Кумиров, которых сам же и поставил. А затем погнал свой народ к Святому Крещению копьями дружинников. Почему?

Три года назад я так и не нашел ответа на этот вопрос.

На какое-то время забыл о десятом веке. Писал «Утро судного дня» (демиургический сплав ближайшего будущего и совсем глубокого прошлого), переработал свой старый роман «Паника» – еще более крутой замес языческих мифов, животной похоти и первичного разрушительного начала, которому человек слабой души не то что не может – *не хочет* противиться...

Словом, я выбирал для работы менее острые темы. Отдыхал. Потому что писать вне живого исторического контекста намного легче.

В общем, я уклонялся от вызова, пока не почувствовал, что – пора. И рискнул. Не зная ответа на главный вопрос, не

видя «живого» Владимира, я для начала просто реконструировал время и позволил героям (Владимир был лишь одним из них) действовать внутри исторического контекста. И лишь когда первая книга уже была на три четверти написана, я вдруг понял: моя диалогия о Владимире будет не историей князя, который крестил Русь. Это будут книги о том, как (словом и делом, огнем и железом) была проведена черта в человеческих душах. До – язычество. После – христианство. Подвиг Владимира, на мой взгляд, не в том, что он надел крестики на шеи людей. Многие из них носили кресты и раньше: для язычника лишний оберег – не в тягость. Многие из тогдашних христиан (в том числе и моих героев) были полухристианами-полуязычниками. Даже те, кто не приносил жертвы Сварогу и Велесу жили в языческом мире, и мир этот органично вписывался в их самосознание. Величие же князя Владимира Святославовича в том, что он сумел выйти из этого мира. Вышел сам и вынудил выйти из язычества свой народ. Народ, которому было вполне уютно в тени священного дуба и который вовсе не собирался эту тень покидать. Владимир не стал уговаривать своих людей обратиться к Свету. Он просто срубил дуб. Взял да и уничтожил родных и привычных старых богов. Физически. Всех, до кого смог дотянуться. Демонстративно и жестоко, как когда-то разрушал церкви и убивал христиан.

И следует помнить, что тот языческий мир, который разрушил Владимир, был его собственным миром. И Владимир

уничтожил этот мир. Свой собственный. Так святой князь Владимир показал (действием, собственной жизнью): язычник не становится христианином. Он – перерождается. Владимир до крещения и Владимир после таинства – это совершенно разные люди. Он сам стал бессмертным доказательством того, что никакого единения христианства и языческих верований быть не может. Или – или. И любой из нас, кто крещен и верит, должен это понять. Или – снять крест и отправляться к неоязычникам резать кошек. Сначала – кошек...

Идет война. Она идет тысячи лет. Я не призываю вас, мои читатели, подняться в атаку. Я – не герой-полководец, я всего лишь писатель. Но я попробую показать вам воителя, стяжавшего в величайшей из войн славу, многожды превосходящую ту, что заслужил его отец, покорявший царства. Я попробую показать вам великого князя Владимира Святославовича. Его и тех, кто был с ним. И – против него...

Пролог

Сватовство

Стольный град Полоцк.

Лето 973 года от Рождества Христова.

Рогнеда, княжна полоцкая и единственная дочь князя полоцкого Роговолта, скривила нежный ротик. Лицо же сделала такое, будто ей предложили выйти замуж за мохноногого анчутку.

— Князь... — Пухлые губки княжны выговорили слово — будто сплюнули. — Наймит новгородский господин твой, а не князь!

Боярин и воевода Добрыня, политик и воин, умевший, не моргнув, принимать летящие стрелы кочевников, копья викингов и камни от буйного новгородского вече, дернул щекой, будто его хлестнули плетью.

Широкий, приземистый, мощный, с окладистой бородой и мясистым широким носом, он разительно отличался от Роговолта и его сыновей, высоких поджарых варягов с гладкими крутыми подбородками, вислыми усами и носами прямыми, как лезвие метательного ножа.

— Рабичич! — подстегнутая молчанием старшего посла и свата, надменно бросила Рогнеда. — Что он о себе возомнил?

Что дочь полоцкого князя будет снимать сапоги сыну холоп-ки?

Звонкий и звучный голос девушки был слышен не только тем, кто сейчас находился в теремной зале, но даже холопам, прибиравшим во дворе.

Послы новгородского князя Владимира, именитые люди, бояре и тысячники, известные и в Полоцке, и даже в Киеве, не смели поднять глаз.

Если бы с Добрыней приехали ближние князя Владимира, то слова Рогнеды были бы оскорблением одному лишь Владимиру. Но Добрыня не зря позвал в сваты именно коренных новгородцев. Те охотно согласились, потому что – лестно и почетно. Да и сама мысль – женить Владимира на Рогнеде – Новгороду была по сердцу. Соперничество с Полоцком недешево стоило Господину Великому Новгороду.

Роговолт в предварительной пересылке отнесся к сватовству без недоброжелательства. Поставил лишь условием: как любимая доченька решит, так и будет.

Доченька решила. Так оплевала, что тремя рушниками не утереться.

Оскорбили не только Владимира. Оскорбили Новгород.

Сваты не поднимали глаз. Стыд-то какой... И что теперь? Войну объявить?

Один лишь старший над посольскими, воевода Добрыня, дядька и наставник новгородского князя Владимира Свято-славовича, глаз не опустил. Глядел прямо на гордую княжну,

и взгляд его был... Мало сказать – нехороший. Кабы взглядом можно было пронзать, как копьем...

Седой, величественный Роговолт, князь полоцкий, укоризненно покачал головой. Резкость дочери ему не понравилась.

Пусть мать Владимира действительно холопка, но все же Владимир – первенец великого князя Святослава, князь (пусть и выборный) града Новгорода и добрый воин, уже стяжавший себе славу человека удачливого и хитрого. А к славе в придачу – богатства немалые, железом добытые. Оскорблять Владимира – не слишком умно. Тем более говорить такое в глаза Добрыне, сестра которого и есть та самая холопка, что родила Владимира.

Новгород и Полоцк – известные недоброжелатели. Владимир, хоть и молод, а уже немало крови Роговолту попортил. Однако полоцкий князь знал: за отважным Владимиром почти всегда стоит умный и коварный дядька Добрыня. Кто из них опасней – сразу и не скажешь.

Роговолт не одобрил резкость дочери, но обрывать ее не стал – это было бы знаком слабости. А князь-варяг слабым себя не мнил. Здесь, на севере, считал, равных ему нет. Родниться с новгородским князем он с самого начала не собирався. Изрядный кусок полоцких доходов – от пошлин, взимаемых с новгородских купцов, а стань Владимир зятем Роговолта, и вполне может попросить снизить сборы на волоках. И Роговолту будет очень трудно отказать родичу.

Была еще одна причина, по которой Роговолт не хотел этого брака.

Капризно новгородское вече. А ну как пожелает себе другого князя. И куда тогда пойдет Владимир? К тестю, разумеется. И по древнему праву станет таким же претендентом на полоцкий стол, как и сыновья Роговолта. Причем претендентом очень опасным.

И наконец последний довод: такой брак вряд ли понравится Ярополку Киевскому, недолюбливавшему полубрата и коему самостоятельность Полоцка уже давно не по нраву. Как всякий христианин, Ярополк исповедовал принцип: один Бог на небе, один правитель – на земле. Однако Полоцк нужен Киеву как противовес Новгороду. А если Новгород и Полоцк объединятся, то у Киева будет лишь два выхода: либо отказаться от своих северных земель, либо прийти туда со всей силой и сделать вольных князей наместниками... Или вообще сместить.

Драться с Киевом Роговолт не хотел. Прямо отказывать Новгороду – тоже. Рассчитывал на то, что если откажет Рогнеда, то политически такой отказ будет выглядеть мягче. Мол, не люб княжне Владимир, ничего не поделаешь.

Хотел помягче, вышло – наоборот.

– Никогда! – провозгласила Рогнеда. – За рабичича – никогда! Вот за сына законного, Ярополка Святославовича, – пойду!

Отчасти Роговолт был сам виноват. Вчера он долго тол-

ковал с дочерью, наговаривая ей против Владимира. Наговорил на свою голову.

«Надо будет потом побеседовать с Добрыней, – решил Роговолт. – Пусть он – из смердов, но ссориться с ним ни к чему. Объясню, что не мои слова говорит княжна, а собственные. С девки же – какой спрос?»

Однако эта в общем верная мысль запоздала.

Не дожидаясь очередного оскорбления, Добрыня повернулся и, не прощаясь, не сказав ни слова, пошел прочь.

За ним потянулись остальные новгородцы.

Обиделся воевода нешуточно.

«Ну и вороны с ним», – подумал Роговолт.

Невелика шишка. Вот прознает про великие замыслы Владимира (Новгород и Полоцк объединить) киевский князь, осерчает – и погонит брата из Новгорода. А наместником поставит кого-нибудь из своих бояр. Новгород, конечно, пошумит-пошумит – да недолго. С Киевом бодаться им резона нет. Мимо Киева к ромеям не попасть. Прежде через хузар ходили, но Святослав хаканат разгромил, а взять под себя великий путь не успел. Теперь там печенег да прочие разбойники жируют. Так что придется Новгороду плясать под киевскую дудку.

Опытен Роговолт Много перевидал за свою долгую и обильную событиями жизнь. Научился предвидеть будущее не хуже ведуна. И действия Киева Роговолт угадал, и действия новгородцев.

А вот Святославова первенца недооценил старый князь.
И расплатился за свою ошибку – высшей мерой.

Часть первая Киев и Новгород

Глава первая Дружинник киевский Богуслав Серегеевич

Стольный град Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова

То было лето девятьсот семьдесят пятого года от Рождества Христова.

Четвертое лето самостоятельного правления великого князя киевского Ярополка Святославовича.

Последнее лето перед княжьей усьобицей. Той самой, что растянется на века, наследуясь сыновьями, внуками и правнуками, превращаясь в *традицию*...

Но для княжьего дружинника Богуслава лето началось радостями.

Первая радость: Славкин батя, воевода Серегей, сам сел на коня.

Все ж таки выходили его матушка Сладислава с ведуном Рёрехом и мудрым парсом Артаком. Кто свершил сие чу-

до: светлый Христос, огненный бог парсов, любящий доблестных Перун, животворящий Волох, а может, и все разом, то Славке неведомо. Однако ж батя Славкин оказался единственным, кто выжил после страшной сечи на острове Хорса. Лучшие вои русов легли тогда в погребальные лодьи, что поплыли вниз по Днепру. Сам великий князь-пардус Святослав взмыл из священного пламени – в Ирий.

Воевода Серегей тоже должен был уйти за Кромку... Но не ушел.

В Киеве говорили: сие – не просто так. Никто не мог бы выжить с такими ранами.

Артём, старший брат Славки, говорил, что сам не верил, что довезет отца до дому.

Однако ж довез.

И дома батя тоже не помер, хотя оба княжых лекаря дружно сказали: не жилец. Но матушка, хоть и потемнела лицом, когда увидела батины раны, за священником не послала.

А лекарей прогнал дедко Рёрах.

– Кыш! – каркнул он.

И лекари ушли, обиженные.

А матери Славкиной Рёрах так сказал: «Молись кому хош, Сладушка, а только муж твой—уже за Кромкой. Позвать-то я его позову, а захочет ли вернуться, не знаю».

«Захочет, – сказала матушка. – Не хотел бы жить, уже умер бы. Сам знаешь, старый: с такими ранами не живут, а

он — жив».

Рёрах тогда захихикал и сказал: «Умница, дочка! Хотя ты и не ведунья, а ведаешь правильно. Подыдем нашего воеводу. Перуновой десницей клянусь, он еще поскачет по Дикому Полю!»

И прав оказался. Вышел батя из-за Кромки. Однако ж три долгих года прошло, пока вернулась к батю доля его прежней силы.

Малая доля, однако ж, когда надевали на Славку шитый золотом пояс княжьего гридня, батя глядел на это не с носилок, а с седла своего боевого коня.

Золотой пояс — вторая радость этого лета.

Опоясал Славку, как заведено, сам великий князь киевский Ярополк.

— Господь с тобой! — сказал князь с важностью. — Служи мне так же верно, так, как вся родня твоя служит!

Слова эти Славке не по душе пришлись.

Во-первых, по его мнению, он уже послужил великому князю — жизнь спас как-никак. Во-вторых, не так раньше в гридни опоясывали. Говорили по-другому: не Господа призывали, а Перуна. И весело было.

Но нет больше веселья в киевском князе. Как убили копченые отца его Святослава, так и переменялся Ярополк. Хотя и был лишь на год старше Славки, а совсем веселье юности потерял. Строгим стал, суровым. Неулыбчивым. Жил богато, а не весело.

Но дружине своей веселиться не запрещал. И Перуна славить – тоже позволял. Хотя тех из дружины, кто крещеный был, выделял особо.

Так было и в то воскресенье, когда отличился Славка.

С первыми лучами солнца великий князь киевский Ярополк отправился на заутреню. Вместе с князем шли крещеные из княжьей руси, а также те, кто крещен не был, но, тем не менее, пожелал проявить уважение к новому Богу. И, заодно, – князю. В Киеве знали, что, в отличие от многих старых богов, Господь Христос не возражает, когда нехристи приходят на богослужение. Конечно, если те ведут себя прилично святому действу.

Впрочем, мало кто рискнул бы нарушить порядок, когда в церкви – сам великий князь. В храме Божиим послушника казнить не станут, однако за церковными дверьми выплут – мало не покажется.

Одним из таких некрещеных, но желавших проявить уважение, был княжий отрок Малой.

Давний, еще из детских¹ времен, дружок Славки, сын теремной девки Малой с пяти лет жил при Детинце. С тех пор

---

¹ Напомню читателю, что подготовка будущих дружинников начиналась примерно с пяти лет. Обычно такую подготовку проходили дети дружинников и бояр, а также внебрачные сыновья теремных девок и дружинников. Они и назывались «детскими» до тех пор, пока не становились «отроками» – младшими дружинниками. Эта система отчасти копировала родовую, в которой забота о детях «обобществлялась». Княжья русь (равно как и дружинники других князей) тоже являлась чем-то вроде рода. И заботу о детях погибших соответственно принимала на себя дружина.

его так и звали Малым, хотя к семнадцати годам парень вымахал в детину саженого роста. Отца своего Малой не знал, однако утверждал, что тот – из свеев. Глядя на беловолосого здоровяка в это можно было поверить.

Второй лучший друг Славки – княжий отрок Антиф. Этот – крещеный, поскольку мать его – ромейка из Тмуторокани, озаботилась привлечением сына в лоно Церкви Христовой. Но не сразу. Отец Антифа, варяг² из кривичей, десятник в дружине Святослава, христианином не был и крестить сына не разрешал. Отец Антифа погиб на острове Хорса вместе со своим князем. Антиф очень горевал и завидовал Славке, у которого отец выжил. Мать же Антифа говорила: это потому, что воевода Серегей – крещеный. И уговорила сына креститься.

Рядом с друзьями: Славкой, вымахавшим в свои шестнадцать зим на полголовы выше старшего брата, и не уступав-

---

² Хотелось бы уточнить – для тех, кто не читал предыдущих книг «варяжского» цикла. Варяги в моей версии не являются собирательным образом скандинавов или нарицательным определением чужака. Я с самого начала ввел допущение, что «базовыми» варягами являлось некое племя словенского (то есть сходноязычного) корня с племенами, населявшими территорию будущей Руси. Такая версия имеет своих сторонников и свои обоснования, хотя и менее популярна, чем более привычное отождествление «варягов» и викингов. Что же касается «варяжского» братства, то это мое предположение в большей степени – литературный прием, чем историческая предпосылка. Однако я не знаю фактов, противоречащих этой гипотезе, зато имеется изрядное количество данных о существовании подобных воинских братств в других культурах. И я абсолютно уверен, что подобные закрытые воинские союзы – неперенный атрибут любого языческого общества. Так почему бы не именоваться такому союзу – варяжским?

шим Славке статью Малым – чернявый невысокий Антиф, больше похожий на ромея, чем на кривича, казался инородцем. Но в киевской дружине чернявых было не меньше, чем пшеничноголовых и рыжеволосых, так что курчавый парнишка с крупным ромейским носом и большими, как у девки, карими глазами выделялся не больше, чем какой-нибудь тощий, носатый и такой же чернявый касог.

Три друга были всего лишь отроками, поэтому от князя их отделяли широкие спины старших: княжьих ближников и опоясанных гридней. Старшая гридь (среди которой Славкин брат, воевода Артём), все, как и сам князь, в белых праздничных рубахах, без брони, но с мечами у поясов, торжественно спускались по улице мимо любопытствующих киевлян – к новопостроенной на краю торжка церкви Святой Троицы. Княжьи отроки, тоже без брони, но – с круглыми красными щитами (их позже оставят у входа в церковь) важно вышагивали в хвосте колонны и старались настроить себя на молитвенный лад. По крайней мере Славка старался. Это было трудно, поскольку солнышко светило ярко, а девки-лоточницы, торговавшие на торжке, усердно строили глазки красавцам-дружинникам, а иные даже подмигивали и подманивали молодых воинов полупристойными жестами. Не зря этот торжок на Горе, внутри княжьего двора, Бабиным называют. Не торговли на нем, а чистое искушение. Невысокого Антифа, шедшего посередине, спасали от пылких взглядов могучие фигуры друзей, а вот рослые

Славка и Малой оказались беззащитны перед искусительницами.

Малой, впрочем, вел себя вполне свободно и отвечал на манящие двусмысленные жесты жестами вполне понятными. Мол, подожди, красавица, я скоро вернусь и тогда...

А вот Славка старательно уводил взгляд вверх: сначала — на крыши домов, а потом — на соломенные кровли рыночных навесов, облюбованных воронами и прочими крылатыми любительницами пищевых отходов.

Смотрел Славка просто так, без умысла, однако даже рассеянный его взгляд все равно оставался взглядом воина-дружинника, потому отсутствие чернокрылых на одном из навесов Славка отметил. Отметил и не то чтобы обеспокоился... Так, чуть насторожился. И очень вовремя заметил приподнявшегося на подозрительном месте человечка... натягивающего лук.

Дальше Славка действовал не рассуждая.

Рванулся с места, отбросил плечом кого-то из старшей гриди, подпрыгнул, выбрасывая щит...

Успел. Подлая стрела чиркнула вскользь по дубленой коже щита и, теряя силу, ушла вверх.

Вторую стрелу злодей послать не рискнул. Да и без толку, потому что колонна благостных богомольцев преобразилась. Рослые гридни вмиг заслонили невысокого князя, ошетинились клинками, зашарили по сторонам цепкими взглядами, выискивая врага.

Отбитую стрелу, охотничий срез,³ поймал княжий сотник Варяжко. И сразу бросил воеводе Артёму. Тот глянул мельком, отдал князю.

Славка поймал взгляд старшего брата, махнул рукой в сторону навеса, на котором только что прятался злодей:

– Там!

Лучшие гридни бросились – как волки на добычу.

– Взять площадь! – закричал Артём. – Гридь! Взять всех! Никого не выпускать!

Киевский народ и сообразить ничего не успел, как рассыпавшиеся дружинники заняли все входы-выходы, одни взяли под наблюдение крыши, другие принялись обыскивать толпу, третьи помчались к воротам, отделявшим Гору от остального города.

Великий князь Ярополк вертел в руках короткий охотничий срез и хмурился. Стрела была слабая, доспех таким клювиком не пробьешь. Но разрубить незащищенную плоть – запросто. Попади такая в шею – и человек истечет кровью за две дюжины ударов сердца.

– Деревлянская работа, – заметил кто-то из оставшихся при князе гридней.

– Мало мы их резали, поганых! – сказал другой.

Дружинники тем временем искали стрелка. Прошерсти-

---

³ Срез – стрела с широким «рассекающим» наконечником. Ее недостаток – пониженная «бронебойность». От такого наконечника защитит даже легкая кольчуга.

ли всех, кто оказался на торжке. Особо – человек двадцать, у которых нашлись при себе луки. К сожалению, стрел, подобных выпущенной в князя, ни у кого не обнаружилось. У большинства луки вообще оказались зачехлены, а тетивы – сняты.

Деревлян среди задержанных было двое. Обычные лесовики. Порядком перепуганные. За одного вступились соседи: мол, этот точно не стрелял. За второго – Славка. Лица стрелка он не видел, но заметил, что волосы у того – темно-русые. А этот – рыжий.

– Ушел злодей, – с разочарованием констатировал Артём.

Задержанных отпустили, а князь с гридью отправились в церковь. Возблагодарить Бога за спасение князя и за все прочие милости.

Сергей Духарев в то утро молился дома. Вчера перетрудился, тренируя ослабевшие мышцы, и организм обиделся: утром воеводу не на шутку скрутило. Получив строгий выговор от жены, Сергей отлеживался в постели, с головы до ног покрытый целебными мазями и до горла переполненный еще более целебными отварами.

Чтобы воеводе не было скучно, рядом с ним был старый варяг Рёрах. Два самых известных в Киеве ведуна играли в шахматы. Рёрах, как более матерый, угадывал ходы противника лучше – и выигрывал.

Когда Артём и Славка, возбужденно переговариваясь, вошли в горницу, от армии их отца остался только зажатый

в угол конунг, прикрытый единственной башней и пешцом, время которого уже было сочтено. Время конунга, впрочем, тоже.

– От так! – с удовольствием проскрипел Рёрах, скушал своим конным Сергеева пешца и нацелился им же на башню воеводы. Это только в жизни конница не берет башни. В шахматах – запросто.

– Твоя взяла, – вздохнул Духарев и положил своего конунга на доску. – Ну, парни, рассказывайте, что у вас там произошло?

Братья с уважением поглядели на отца. Ведун, ясное дело. Мысли читает. Сергей усмехнулся. Читать мысли сыновей ему было просто. Все у них на физиономиях написано. А вот насчет ведуна... С того, последнего боя на Хортице Сергея больше не донимали сны о прошлом-будущем. Словно и не было его.

Пропало. И память о мире, где компьютеры, телевизоры и прочие технические чудеса, таяла, растворялась в небытии. Одни смутные тени где-то на окраине памяти.

– Ну что там у вас произошло?

– Славка отличился, – сказал Артём, похлопав брата по крепкой шее. – Князя нашего спас!

* * *

– ...Словом, пришлось всех отпустить, – завершил рас-

сказ Артём. – У одних – стрелы не те, у других и вовсе тетивы сняты да спрятаны. Не за что зацепиться. Зато мы теперь точно знаем, что деревлянин стрелял.

– Ничего мы не знаем, – возразил Сергей. – И мыслишь ты, сынок, неправильно. – С чего ты взял, что у стрелка не могло быть двух тетив? Может, одна – навощенная, в чехле, а вторую он после выстрела сбросил? И со стрелами – тоже. Кто тебе сказал, что у стрелка должны быть в колчане одни деревлянские срезы? И вообще, с чего ты взял, что это – деревлянин? По-твоему, деревлянскими стрелами только деревлянские лесовики могут стрелять?

Артём заметно расстроился.

Сергей, глядя на его огорчение, только рассмеялся.

– Да неважно это, – сказал он, махнув рукой. – Если разбойник тот не дурак, то наверняка сбросил и стрелы, и лук. На земле-то поискали?

Артём покачал головой и еще больше расстроился. А Славка – удивился.

– Как это лук сбросил? – проговорил он. – Спрятал куда-нибудь?

– Да просто взял и выкинул, – сказал Сергей.

– Кто ж выкинет добрый лук? – изумился Славка.

Лук для настоящего стрелка – все равно что конь.

Или меч. От него жизнь зависит. Из чужого лука и стрела по-другому идет, и руки устают больше. Из своего лука Славка зайца снимал за сотню шагов. А из чужого – самое

большее за полста.

– А кто тебе сказал, сынок, что лук был хороший? – осведомился Сергей. – Ну-ка, Славка, скажи мне: силен ли был удар и глубоко ли в твой щит вошла стрела?

– Да она вообще не воткнулась, – ответил Славка с гордостью. – Чиркнула только, я же ее вскользь поймал.

Он думал: отец похвалит. Но тот лишь головой покачал, а Артём произнес покаянно:

– Ты прав, батя. Во всем прав. Недодумали мы.

И, увидев, что Славка так ничего и не понял, пояснил, что стрелял злодей саженой с тридцати. С такого расстояния из хорошего лука даже охотничий срез вскользь не пойдет. Раз выстрел был слабый, значит, и лук был плохонький. Такой не жалко. Сообразили бы сразу, что стрелок мог выкинуть лук, так, может быть, лук бы нашли. А там и его хозяина попробовали б сыскать. Народ в Киеве наблюдательный. Глядишь и узнали бы, чей лук.

– Ладно, сынки, – сказал Сергей. – Вы небось голодные, с богослужения-то? Сейчас мать на стол накроет, а я, пожалуй, пойду искупаюсь.

– Коня тебе подседлать, батя? – предложил Славка.

– Нет, я пешочком.

Братья вышли во двор – проводить. На крыльце грелся на солнышке Рёрах. Не просто грелся – ладил перья к новым стрелам. Без дела – скучно.

Сладислава выглянула в окошко горницы: все ли ладно с

мужниной прогулкой?

С прогулкой все было хорошо. Воевода отправился пешком и налегке: с одним лишь кинжалом на поясе. Зато следом за ним – верхами и при оружии – трое гридней. Врагов у недужного воеводы немало. С охраной спокойнее. Не для того выхаживала Сергея Сладислава, чтобы его зарезал какой-нибудь недруг.

У ворот засутился дворовой холоп: прибрал оброненный лошадьми навоз. За холопом пристально наблюдал цепной мишка. Улучив момент, бросился с разбега. Не достал, но рванул так, что столб, к которому была прикреплена цепь, аж загудел.

– Заматерел косолапый, – отметил Рёрах. – Пора на шубу пускать.

Старый варяг был прав: зверь вырос, не слушался более никого и стал опасен.

– Можно я его возьму? – попросил Славка. – Лют Свенельдич один прием показывал. Как мишку ножом – сразу в сердце.

– Там видно будет, – буркнул Артём. – Ты скажи, старый: почему так? Почему батя наш все видит и понимает, а мы со Славкой только мечами махать можем?

– Не умаляйся, сынок, – криво ухмыльнулся Рёрах. – Иной раз и ты соображаешь не худо. Не то не поставил бы тебя Святослав воеводою. Однако батя ваш, он по-другому думает. Почему?

– Почему? – заинтересовался Славка.

– Да потому что батя ваш за Кромкой побывал. А кто там, сынки, побывал, тот такое видит, что прочим человекам не углядеть.

Артём что-то буркнул недовольно и вернулся в дом.

Завидовал он отцовскому умению *ведать*. А вот Славка – не завидовал. Ему и без ведовства неплохо. Тем более что князя от стрелы не ведовство спасло, а крепкий Славкин щит.

Хорошо, когда у князя есть верные дружинники. Кабы не они – не держать бы Ярополку Киева. Хотя и без Ярополка Киев бы не пропал. Есть и другие князья у руси. Младший брат Олег Святославович. Старший брат Владимир Святославович.⁴ Вот ему бы и править Киевом, да не от той матери

---

⁴ Возраст Владимира – увы, не имеющее фактических доказательств предположение автора. Так же, как и предположение о первородстве Владимира. Однако в этом предположении я основывался исключительно на логике. По традициям того времени обзавестись ребенком от выдающегося воина не считалось зазорным. Причем ребенок этот, как правило, усыновлялся не физическим отцом, а мужем или отцом матери. То есть «входил в род», что по закону того времени давало ему полные права, включая право наследования. Представить, что такой выдающийся воин, как Святослав, не интересовался женщинами до того, как вступил в брак, просто невозможно. Язычник, воин, лидер... Не верю! Равно как и в то, что он или его подружки пользовались противозачаточными средствами. Следовательно, побочные детишки у Святослава могли быть. И надо полагать – в немалом количестве. Но, в отличие от своего сына Владимира, признавшего изрядное количество сыновей от разных женщин (правда, учитывая размеры «гарема» Владимира, – далеко не всех), летописи называют только одного внебрачного Святославича – Владимира. Почему? Неизвестно. Мое предположение: потому что Владимир был первенцем. Но в этом случае он был старше Ярополка.

родился. Рабичич.

Хотя если и звали так Владимира, то заглазно. В лицо – никто не посмел бы. Кому хочется прежде срока за Кромку уйти?

И его примерный возраст на тот момент (исходя из условно установленного возраста Святослава) – около двадцати лет.

Глава вторая

Князь новгородский

Владимир Святославович

Поздняя осень 973 года от Рождества Христова.

Новгородские земли

Из троих сыновей Святослава Владимир был более всех схож с отцом. От отца он унаследовал могучую статью, сильные глаза и соломенного цвета волосы. От матери – светлую кожу, соразмерность черт и дядьку-пестуна Добрыню. И еще огненный норов, обузданный волей, а потому еще более опасный для тех, кто осмеливался рассердить новгородского князя.

Так же, как отец, сын был необычайно ловок в обращении со оружием. Разве что, в отличие от отца, предпочитал биться не конно, а пеше. Правду сказать, на земле Новгородской и в ее окрестностях конно особо не повоюешь. Коннице свобода нужна. Степь, простор. Чтобы ничто не мешало ни разбегу, ни полету стрелы.

А здесь – леса да болота. Вместо удобных степных дорог – реки, вместо конских седел – скамьи боевых лодий или скандинавских драккаров. В лесных чащах не нужен сильный степной лук со «спинкой» из сухожилий, с костяными вставками. Лук, что метко бьет на двести-триста шагов, а со

снятой тетивой выгибается так, что «рога» почти касаются друг друга. Чтобы ударить с тридцати шагов из засидки в кроне ветвистого древа, вполне достаточно и простого охотничьего лука.

Само собой, Владимир Святославович умел и рубить на скаку, и стрелять из степного лука. Но привычней ему была твердая земля или играющая под ногами палуба. И мыслил Владимир совсем не так, как отец, чей порыв сызмала стремился к запредельному: к дальним чужим землям, дивным победам и власти над миром, подобной той, что была у Александра Македонца. Князь новгородский желал владеть тем, что близко, до чего можно дотянуться руками, сгрести, как желанную девку, и подмять под себя. И дело тут было не только в отличии севера от юга, новгородских лесов от киевских степей. Варяжское море не менее просторно, чем приднепровская степь. Может, потому Владимир вырос таким, что воспитывал его не лихой длинноусый варяг, а основательный и хитрый полянин Добрыня. Оно, может, и к лучшему, потому что природному варягу было бы трудно ладить с буйным и переменчивым новгородским людством. Добрыня справлялся с Новгородом, а вот с внешними врагами города выпало управляться Владимиру. Врагов же у Нового Града было предостаточно. А желавших урвать кусочек от его богатств – еще больше. Словом, скучать ни Владимиру, ни его крепкой, хоть и собранной из разноплеменных воев, дружине не приходилось. Однако плох тот князь, кото-

рый, оберегая принявший его город, забывает о своих ближних. Глазом моргнуть не успеет такой князь, как останется без лучших дружинников. Особенно если изрядная часть их – вечно голодные скандинавы.

– Все зерно забрали, шкурки забрали подчистую, двух дочек увели, трех свиней зарезали, – плаксиво причитал огнищанин Ходья, – пива только сваренного – два бочонка, рудных криц...

– Умолкни! – сурово произнес Владимир, и огнищанин заткнулся на полуслове.

Крепкое хозяйство у Ходьи. Место хорошее – на берегу озера. Дома и сараи – из цельных сосновых бревен, вокруг – частокол. За частоколом – огороды, за огородами – огнища. А ближе к озеру – заливные луга. И птичьи гнездилища. Сейчас, конечно, все – под снегом, но летом – суший рай. А подальше – дремучий лес, полный всякого зверя. И болото, в котором холопы Ходьи собирают рыжие камни – железную кровь земли. Немалое богатство стяжал Ходья. И дань городу тоже немалую платит. А город за это должен Ходью защищать. Вернее сказать, защищать его должен Владимир. Которому, в свою очередь, платит за это город. И платит щедро.

Но все равно Владимиру Ходья противен. Тринадцать холопов у него и двое сыновей, здоровенных как зубры. Все – не только землепашцы, но и охотники. С луком да копьем знакомы. Запасов в доме – немерено. Частокол вокруг хутора – в четыре локтя. Колодец – во дворе. Облей частокол водой

– ни один враг не вскарабкается. Сядь в осаду, пошли темным временем в город ловкого человека – и сиди, пока помощь приспее.

А Ходья свой дом и двор на разграбление отдал. И добро бы – могучим викингам... Хотя нет, с викингами Ходья, пожалуй, дрался бы. Потому что после викингов никого и ничего в хуторе бы не осталось. А этих сам небось впустил. Посулили огнищанину меха за полцены продать – он и купился.

Все ясно Владимиру. Однако учить огнищанина бесполезно. Надо обидчиков его ловить. Не для того, чтобы вернуть Ходье добро (этого еще не хватало!), а чтоб начисто отбить охоту у лесовиков грабить новгородских людей. Потому что такими вот «ходьями», что расселяются по дремучим лесам, и ширится новгородская пятина.

Владимир уже успел понять, как это делается.

Сначала охотники, что бьют зверя по зимнему времени, осваивают заимку, строятся, возводят частокол от зверья и чужого человека. А станет пушного поменьше, охотничьи ватажки дальше уйдут, так на заимку придет такой вот «ходья», выпалит лес под пашню, обустроится – и живет. И оброк платит. А с каждой гривны, что в новгородскую казну попадает, толика – князю Владимиру.

– У-у-у... чудь белоглазая... – злобно шипит Ходья.

Владимир его не слушает. Он прикидывает – далеко ли ушли чудины. Выходит, что далеко. Засветло не догнать. Да и людям отдых дать надо. Три дня сюда бежали, две ночевки

в лесу, под волчье пение. Хочется – под крышу. Чтоб тепло. Чтоб спать без рукавиц.

– Переночуем здесь, – решил Владимир. – Лунд, разберись.

Десятник Лунд, спокойный светлородый свей, махнул рукой в меховой рукавице, и двое отроков, сбросив лыжи и засунув за пояс рукавицы, направились к хлеву.

Ходья открыл было рот, чтобы запротестовать, но глянул в прозрачные равнодушные глаза Лунда – и не рискнул.

Челяди у огнищанина осталось пятнадцать человек. Не считая детей и женщин. С теми, кого чудины увели, без малого пятьдесят ртов, так что дом у Ходьи – не маленький. Однако с появлением в нем двадцати трех дружинников во главе с князем внутри сразу стало очень тесно. Зато шумно и весело. Не веселился только сам Ходья, ведь это его кабанчика жарили сейчас в очаге и его пиво щедро плескали в чашки мускулистые руки княжьих дружинников.

– Чё такой смурной, человек? – Здоровенный как зубр и такой же волосатый гридень-кривич по прозвищу Ребро облапил Ходью пудовой ручищей. – Не кручинься! Достанем мы твоих обидчиков!

– А мне с того что за прибыль? – буркнул Ходья.

По Закону вся отбитая у чудинов добыча становилась собственностью тех, кто ее отбил. А этот здоровый гридень за раз выпил пива больше, чем сам Ходья – за четыре седмицы.

– Так дочек же твоих вернем! – напомнил Ребро.

– Да что мне дочери! – в сердцах воскликнул огнищанин. – От девок разор один!

– Гы! – обрадовался гридень. – Коли так, то мы их себе возьмем!

– Что ты болтаешь, дурной? – сердито закричал Ходья, скидывая с плеч тяжеленную, как бревно, десницу дружинника.

– Дак это... Нельзя, что ли? – огорчился Ребро.

И тут до него дошло, что огнищанин только что его оскорбил.

– Так как ты меня назвал, жук навозный? – прорычал гридень, нависая над не уследившим за языком огнищанином. – Вот я тебя сейчас...

– Ты – в доме моем! – вскрикнул огнищанин, пятясь. – Ты – гость! Не смей угрожать мне в моем доме!

Ребро задумался. Правда и впрямь была на стороне огнищанина. Ребро – гость. Ходья – хозяин. Накормил, напоил и все такое. Однако Ребро – гридень княжий. Ему оскорбление спускать никак нельзя. Тем более не любил Ребро, когда его называли дурным... А его – называли. Особенно когда выпьет. И одно дело, когда называли свои братья-гридни... А тут какой-то огнищанин. То есть по сути – смерд. Ну коли в доме его поучить нельзя, так это дело решаемое...

– А ну пошли во двор! – решительно заявил Ребро. Ухватил Ходью за ворот и поволок к дверям.

Ходья завопил. Сыновья тут же полетели на помощь к отцу... И разлетелись по лавкам. Ребро одной рукой орудовал лучше, чем они – четырьмя. Уволакиваемый Ходья схватился было за нож, но вовремя сообразил: тогда точно пришибет.

– Княже! – заверещал он. – Что творишь?

Владимир поначалу не обращал внимания на свару Ребра с хозяином. В избе было довольно шумно, а князя куда больше интересовала молоденькая жена одного из сыновей Ходьи, весьма охотно принимавшая знаки внимания молодого Святославича. Князь уже прикидывал, где им можно уединиться... Но тут, совсем некстати, муженек лакомой женки плюхнулся на лавку, сочно приложившись о бревенчатую стену.

– Ребро! – рывкнул недовольный Владимир. – А ну брось гов... человека!

Ребро не услышал. Этот кривич всегда отличался громким голосом и плохим слухом... когда выпьет.

Зато князя услышал Лунд.

Десятник возник на пути Ребра, когда тот уже прицелился открыть дверь головой вопящего Ходьи.

Ростом кривич не уступал свею, а силой... Помериться с Лундом силой Ребро в жизни не рискнул бы.

– Отпусти его, – негромко произнес Лунд.

Ребро послушно поставил огнищанина на пол.

– Он меня оскорбил! – пожаловался Ребро. – Дурным на-

звал!

– Было? – спросил Лунд у помятого Ходьи.

– Так он моих дочерей... – закричал Ходья.

– Было иль нет? – оборвал его десятник.

– Ну было, – неохотно признал Ходья.

– Отдашь ему гривну, – сказал Лунд и отвернулся.

– Так где ж я... гривну? – воскликнул огнищанин. – У меня ж... Меня ж ограбили!

Но Лунд уже вернулся к столу: пить Ходьево пиво и доедать Ходьеву свинку с Ходьевыми мочеными грибочками.

– Нету у меня гривны, – буркнул Ходья вполне довольному исходом конфликта Ребру.

– Ничё, – успокоил его уже остывший Ребро. – Я возьму что глянется. И зашарил глазами по избе, выискивая подходящий для виры предмет...

Ходья мрачно наблюдал за ходом поиска, хваля себя за то, что успел припрятать все ценное еще перед набегом чудинов. Хотя, если подумать, эти княжьи – такие же разбойники. Хуже них только викинги...

* * *

Владимир с дружиной догнали-таки дерзкую чудь. Но – поздно.

Немногим ранее перехватил проворную ватажку малый хирд свеев. Чудины, как и следовало ожидать, драться с ма-

терыми викингами не стали. Побросали добычу: железные крицы, рабов, всё что потяжелее – и дали деру, унеся на спинах несколько дюжин меховых кип.

Свеи тоже, как и следовало ожидать, в погоню не бросились. Легче зайца в лесу догнать, чем чудина на лыжах.

Обрадованные неожиданной поживой, разбили лагерь, разожгли костры и собрались отпраздновать удачу.

Выставили, впрочем, пару дозорных. Хотя что это за дозорные, у которых в деснице кружка с пивом, в шуйце – сочащийся жиром окорок, а в голове – плененные хольмгардские девки?

Гридни Владимира скрали таких сторожей как лиса – домашнюю утку. Убивать не стали. Ошеломили, спутали и сунули в кусты.

Так что для храбрых викингов оказалось совершеннейшим сюрпризом, когда на их беспечный лагерь выбежали из березняка Владимировы гридни.

Впрочем, свеи были воями бывалыми – проворно похватили зброю и выстроились в боевой порядок. Не очень-то они и испугались. Пугливые в вики не ходят. А что часть воинов не успела вздеть брони, так и без брони можно славно биться. Ульфхеднаров и берсерков в хирде не было, однако в хорошей драке любой викинг – почти что берсерк.

Владимир, оценив положение, переглянулся с Лундом и остановил своих людей. Добыча того не стоила, чтобы живот за нее класть. Однако честь необходимо было соблюсти. По-

тому новгородский князь еще раз переглянулся с Лундом, и тот понял без слов: отмахнул топором стылую березовую ветку и помахал ею в воздухе.

Свеи поняли: сплоченный строй разошелся, выпуская двоих. Владимир и Лунд скинули лыжи (мало ли как обернется – может, до драки дойдет) и двинулись навстречу.

Свеи-переговорщики, один – зрелый муж, другой – помоложе, держались уверенно.

– Что вам надо, люди Гардарики? – по-славянски сердито закричал тот, что помоложе. – Идите своей дорогой и останетесь живы!

– Напугал волк медведя! – по-свейски пробасил Лунд. – Чудинов пощипали, да?

– А тебе что за дело, человек севера? – оскалился тот, что помоложе. – Я говорю: что взяли, то – наше! Моя добыча принадлежит мне, и горе тому, кто посмеет на нее покуситься!

– Тебе бы на тинге орать, – насмешливо произнес Лунд. – А здесь тебя даже деревья не услышат. Потому что это – земля Хольмгарда. И все, что на ней, принадлежит Хольмгарду. И глупые чудины, которые осмелились украсть чужое, и то, что они украли. Отдайте добычу и убирайтесь. И останетесь живы! – Лунд очень ловко передразнил напыщенное заявление викинга.

Раскрасневшаяся от морозца физиономия молодого викинга стала еще краснее. Он схватился за меч...

Но тут подал голос старший. До этого он предоставлял говорить молодому, сам же пристально разглядывал Владимира и Лунда, оценивая, насколько они опасны.

«Смотри, смотри», – думал Владимир, в свою очередь изучая викинга.

Этот, старший, был хорош. Один из немногих свеев, успевших вздеть бронь (что говорило в его пользу), викинг выглядел настоящим хёвдингом. А может, и ярлом, судя по широким золотым браслетам на запястьях и отменному, не хуже, чем у самого Владимира, панцирю. Кроме того, лицо викинга было чистым. Ни одного шрама. Учитывая, что перед Владимиром стоял опытный воин, это тоже говорило о многом.

Молодой тоже хорош, но он – не вождь. Задира, рубака, сильный в сече, но не более. Сейчас старший дал ему возможность поболтать, чтобы проверить хольмгардцев на прочность. Проверил и нашел, что железо хорошейковки.

– Я – Сигурд, сын Эйрика Бьодаскалли из Опростодира.

– Не тот ли ты Сигурд, чья сестра Астрид – жена конунга Трюггви Олавсона? – негромко спросил Владимир.

– Да, – благородный свей помрачнел. – Только не жена уже, а вдова. Конунг Харальд Серая Шкура и его брат Гудрёд убили Трюггви. Не знаю, удалось ли моей сестре спастись. Надеюсь, что так, потому что весть о ее смерти до меня не дошла.

– Сочувствую тебе, Сигурд Эйриксон, – медленно прого-

ворил Владимир. – Я не знал Трюггви, но слышал о нем как о славном воине. Я – Владимир, сын конунга Святослава и конунг Хольмгарда.

Насчет «конунга хольмгардского» он малость загнул. Не было у него в Новгороде власти конунга. Да и сама новгородская пятина никак не тянула на королевство. Однако у скандинавов хвастовство – дело обычное.

Сигурд оглядел застывших в отдалении гридней Владимира.

– Невелико твое войско, конунг Владимир, – заметил он. Имя князя он произнес на свой лад «Вальдамар». – Даже для ярла оно маловато.

– Я – на своей земле, – князь шевельнул плечами, облитыми поверх меховой поддевки маслянистой чешуей панциря. – Кого мне бояться? И войско мое не так уж мало... – Тут Владимир сделал многозначительную паузу, а потом добавил со значением: – Однако в хирде моем всегда найдется место для хороших воинов. Таким – и почетное место за столом, и пара серебряных марок для кошель.

Предложение было сделано. Сигурд задумался, но результат был Владимиру известен. Он заранее знал: Сигурд и его люди пришли в Гардарику наниматься на службу. Что еще им тут делать зимой?

– По четыре марки в год – моим людям, – сказал Сигурд. – Мне – десять. И всем – прокорм. Когда и сколько – обсудим позже.

Владимир кивнул:

– Договоримся.

Сигурд неторопливо отстегнул от пояса ножны с мечом и передал их младшему. Тот аккуратно положил их к ногам Владимира. Лунд, в свою очередь, поднял и передал их князю.

Владимир не удержался – вытянул клинок из ножен. Хороший клинок. Ухоженный, отполированный, лоснящийся от масла.

Князь вернул меч в ножны и вернул хозяину. Сигурд принял с поклоном.

Всё. С этого мгновения он – хёвдинг Владимира. Вернее, его боярин, поскольку его вождь – не конунг скандинавский, а новгородский князь.

Строй викингов распался. Их Владимир тоже оценил. Отметил, что у каждого на поясе – меч. То есть все они небедные и, очевидно, достаточно опытные воины. Неплохое приобретение. Дядька Добрыня одобрит.

А теперь самое время перекусить и выпить. Любопытно, хороши ли собой дочери огнищанина Ходьи? Издали и не разглядеть толком.

Лунд сделал знак – Владимировы гридни попрятали оружие и заторопились к кострам.

Вопрос – кому принадлежит отбитое у чудинов – более не поднимался. Все будет поделено по закону. И каждый получит свою долю. Только дочек придется вернуть отцу. Впро-

чем, оно и к лучшему. Если эти девки – товар, то трогать их нельзя. Непорченные стоят впятеро дороже. А коли все равно отцу возвращать, так не порожними же...

Глава третья

Великий князь Ярополк Святославович

Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова

Великий князь киевский Ярополк Святославович потер пальцем верхнюю губу, словно проверяя: не появились ли на ней пышные варяжские усы? Усы не появились. Только темный пушок. Поди ж ты: воевода Артём лишь на несколько лет старше, а лицом – истинный зрелый муж. Суровый, красивый. И усы – ниже подбородка. А у великого князя щеки гладкие и румяные, а губы пухлые, как у девицы. Досадно. И то что подобные мелочи огорчают – тоже досадно. У великого князя киевского должны быть и досады великие. А тут...

Может, дело в том, что окружают Ярополка столь славные мужи, отцовские витязи и воеводы, повидавшие дальние земли, повоевавшие множество народов? А он, Ярополк, сиднем сидит в Киеве... И не хочется ему из Киева никуда уезжать. А править можно и отсюда, из терема на Горе. Как бабка Ольга правила...

Только и здесь, в Киеве, кто-то ищет его жизни. Почему? За что? Ведь так усердствует Ярополк, чтобы всем было хорошо! Старается никого не обижать, жить мирно, по-христи-

ански...

Великий князь поглядел на мрачное лицо воеводы. Артём еще ничего не сказал, но Ярополк уже все понял.

– Ничего ты не узнал, – с огорчением произнес князь.

Артём молчал сокрушенно. Князь был прав.

– Хотя другие тоже ничего не проведали, – продолжал Ярополк. – Даже Блуд. А уж как хвалился боярин, что ему в Киеве каждый чих ведом.

Артём вновь промолчал. Не нравился Артёму Блуд. Всё казалось ему, что не о Киеве и князе радеет моравский боярин, а о собственной выгоде. Многое из того, что известно Блуду, дальше Блуда не идет.

Но не станет же киевский боярин таить сведения о покусившемся на Ярополка?

Или – станет?

В дверь княжьей горницы поскреблись.

– Ну что там? – громко произнес Ярополк.

– Сотник любечский Горомут – к великому князю! – сообщил отрок.

– Пусть заходит, – разрешил Ярополк.

Любечский сотник Горомут – из бывшей Ольгиной дружины, доставшейся по наследству внуку.

Войдя, сотник стянул с головы обшитую железными полосами шапку и поклонился. Под шапкой у сотника обнаружилась обширная загорелая лысина со светлой полоской сабельного шрама. Оставшиеся волосы сотник заплетал в ко-

сицу цвета дорожной пыли. Бороду сотник тоже заплетал в две косицы. Как степняк. Хотя сам, сразу видно, – из полян.

– С просьбой к тебе, княже, – бодро сообщил сотник.

– Проси, – разрешил Ярополк.

Сотник солидно откашлялся:

– Дозволь, княже, службу оставить, – сказал он и вновь поклонился. – Годы свое берут. Тяжко-то – месяцами в разъездах.

– Коли так, могу тебя в городские стражи взять, – тут же предложил Ярополк.

– Ну... – Горомут замялся.

– Говори! – потребовал великий князь.

– Годов-то уж немало мне. Хочется осесть на земле своей.

Артём усмехнулся. Хитрый сотник пришел пожалования выпрашивать. Думает: молодой князь щедрее своей бабки.

Но Ярополк, хоть и молод, а без заслуги никого не одарял. Заслуг же особых у сотника не наблюдалось, иначе к князю пришел бы не сам сотник, а его старший – любечский воевода.

– Хочешь на землю сесть – садись. Или не скопил за службу на собственный надел?

– Скопить-то скопил... немного, – признался сотник. – Да на хорошей земле оброки большие.

– Конечно большие. А как же иначе? Так – по Правде.

– А по Правде это, что чужим хорошую землю ни за что

безоборочно дают, а своим – нет? – дерзко спросил сотник.

– Это кому же? – поднял бровь великий князь.

– А хоть тем же касогам!

– Касогам землю мой отец выделил, – сказал Ярополк. –

И он знал, за что ее давал.

– Это порубежная земля, – вмешался Артём. – Там не только землю пашут, но и службу несут. Дикая Степь – рядом. Печенеги каждый год набегают.

– Ну и пусть набегают! – оживился сотник. – Встретим, не впервой. Ты, княже, только землю нам дай, чтоб безоборочно пахать. А с копченными мы сами уж как-нибудь. Тын построим, дозоры наладим.

– Мы – это кто? – спросил Ярополк.

– Да с полсотни нас, – признался Горомут. – Из любечской гриди, тех, кто годами постарше. А может, еще кто захочет. Дай землю, княже, очень просим!

– Этак у меня вся дружина по рубежам разбежится, – проворчал Ярополк.

Сотник покаянно молчал. Вроде как соглашался. Однако выражение на загорелой роже – упрямое.

– Что скажешь, воевода? – повернулся он к Артёму. Тот изучил сотника с ног до головы. Вид у Горомута справный. Однако и впрямь немолод. Шея – в морщинах, тулово чуток скособочено: от болезни или от раны? И брюшко намечается. Может, и не врет, что тяжело ему в конных дозорах ходить? А вот на стене – в самый раз. И опыт воинский наверняка

немалый.

– Дай ему землю, княже, – поддержал сотника Артём. – Я даже место могу подсказать. На полпоприща к закату от касожского городка. Там и родник есть, и от речки недалеко.

– Это не там, где курган с каменной бабой поваленной? – поинтересовался Горомут.

– Там.

– Доброе место, – обрадовался Горомут. – А на кургане можно вышку поставить – за Степью глядеть.

– Можно, – согласился Артём. – Коли тех, кто под курганом лежит, не побоишься.

– А чего их бояться, – усмехнулся Горомут. – Наши-то боги, Сварог да Хорс, чаю, посильнее будут.

– Отчего так думаешь? – заинтересовался крещеный Ярополк.

– Так ведь нет больше тех, кто курган насыпал и ту каменную бабу резал. А мы – есть.

– Резонно, – согласился Ярополк. – Добро, сотник. Будет тебе земля на порубежье.

– Благодарствую, государь! – Обрадованный сотник поклонился в пояс и собрался уходить, но его остановил Артём:

– Погоди, княже!

– Что такое? – спросил Ярополк. – Ты же сам сказал: дать землю.

Горомут настороженно глянул на воеводу. Чего это он вдруг переменялся?

Но Артём имел в виду другое:

– Расскажи мне, Горомут, как ты городище свое обустроить собираешься?

– Как сказал. Вышку на кургане поставим. Тын построим.

– Из чего? – поинтересовался Артём.

– Из лесу, вестимо, – Горомут удивился вопросу.

– Там хорошего леса поблизости нет, – сказал Артём. – Только рощицы молодые. Из них хорошей огорода не сделаешь. – Воевода повернулся к Ярополку: – Надо, княже, пособить порубежникам. Подвезти им лес хороший. Пусть частокол добрый поставят, в два ряда, как положено. А то набегут степняки – и скушают их, как барашков.

– Подавятся, – буркнул Горомут.

Но без особой уверенности. До сих пор мысли его не шли дальше даровой землицы. О печенегам он не думал.

– Ты помолчи, – велел ему Артём. – Это тебе не боевой дозор. У вас же семьи, дети. Я поговорю со Свенельдом. У него лес недорогой на продажу есть.

– Со Свенельдом я сам поговорю, – сказал князь. – Спасибо за добрый совет. Ступай, сотник. И ты, воевода, ступай. Ищи татя. А брата твоего я гриднем опояшу. Как считаешь, дорос он до гридня?

– Макушкой – точно дорос, – улыбнулся Артём.

Глава четвертая

Друзья и враги славного рода

Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова

На подворье Детинца раздавался сухой стук деревянных мечей. Отроки учились ратовать в гибком строю, тройками. Присматривали за ними старшие гридни: Лузгай и Хрольв. Артём с удовольствием поглядел на воинскую справу... И сразу обнаружил, что его младший братец, коему положено было сейчас отрабатывать за старшего тройки, от дела отлынивает. Весело болтает с неизвестной Артёму девушкой. Девушка-красавица, судя по убору и наряду, не из теремных девок, а приличного рода, посмеиваясь, слушала Славкины байки и явно благоволила парню. А Славка заливался соловьем. Мало того, что сам бездельничает, так еще и других отвлекает. Вот один из отроков загляделся на девуцу... И так схлопотал мечом в чрево, что аж согнулся. Артём уже набрал в грудь воздуху, чтобы устроить нахлобучку и бездельнику-брату, и гридням-наставникам, и страже у ворот, что пускает в кремль-Детинец кого ни попадя...

Помешал сотник Горомут, который подошел к Артёму, чтобы поблагодарить за поддержку.

Артём выслушал благосклонно. Тем временем один из детских подвел сотнику коня... Двух коней. Одного, как ока-

залось, для красавицы, с которой заигрывал Славка.

Когда оказалось, что девица приехала в Детинец с сотником, Артём решил выволочку отменить. И вспомнил вовремя, что Ярополк хочет Славку – в гридни. А ругать гридня, пусть даже еще не опоясанного, по пустякам – негоже.

Так что Артём просто подозвал братца, велел подать учебные мечи и до полудня гонял по подворью.

Со Славки семь потов сошло. Впрочем, Артём тоже взмок: младший брат уступал ему умением и проворством, однако был очень силен и длиннорук, что на мечях давало ему преимущество, какого не было бы, сражайся они с Артёмом на саблях или копьях.

Гоняя брата, Артём вспомнил еще об одном деле, которое было у него к Ярополку.

Хотел Артём поучить одного поганца-ромея. Собственно, воевода был вправе это сделать и без разрешения Ярополка. Но он знал, что князь, через херсонесского старосту, ведет сейчас какие-то переговоры с Константинополем. Не хотелось бы помешать.

Задумался Артём, отвлекся... А поединок этого не любит. Хоп – и прилетело Артёму деревянным клином аккуратно по голени. В последний миг Артём успел увести ногу но все равно чиркнуло хорошо. Будь меч настоящий – быть бы воеводе без ноги. Артём зашипел от боли, а обрадованный Славка накинулся на старшего брата с удвоенной силой. Сухой стук деревянных мечей стал частым, как барабанная дробь. Неко-

торое время, пока отходила ушибленная нога, Артём только оборонялся, причем не без труда. Оклемавшись же, сам перешел в наступление. Славка к этому времени подустал, замедлился – и получил сполна. Артём «отметил» ему обе ноги, шею, грудь, затылок, а под конец так приложил клинком под коленку, что Славка не удержался на ногах. Так они и закончили поединок: младший – лежа на мостовой, старший – прижав ему к горлу учебный меч.

– А все-таки я тебя достал! – гордо заявил Славка, передав деревянный меч отроку, а взамен получив свою саблю.

– Достал, – с удовольствием согласился Артём. – Это хорошо. Не зря, значит, наш князь хочет тебя золотым поясом наградить.

– Меня? В гридни?! Перун молниерукий! – Славка аж подпрыгнул от радости. Потом успокоился, подумал и сказал: – За ту стрелу, да?

– Точно. И справедливо. – И добавил сокрушенно: – А вот меня, пожалуй, впору из воевод в отроки низводить. Никак я, Славка, не могу злыдня выследить. Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

– Я его видел, – заметил Славка.

– А узнаешь, если что?

Младший брат подумал немного – и покачал головой.

– Вот то-то и оно.

Славка тоже погрустнел, но вскоре оживился:

– Видал, с какой я красной девкой познакомился?

– Это когда вместо работы лясы точил? – ехидно уточнил Артём.

– Ага! Ее Улайдиной зовут. Улькой, по-нашему. Кто ее родня и откуда она, я пока не знаю, но...

– Дочка любечского сотника Горомута, – сказал Артём. – Погоди пока про девок. Есть у меня к тебе дело одно. Ты слышал, верно, что ромейские пастыри болгарских порицают?

– Не болгарских, а этих, которые другие ромеи. Латиняне.

– Тех – само собой. Но и болгарских – тоже. Ну пока они языками мелют, это пустое. Однако говорила мне мать: жалелись ей, что прихожан церкви болгарской, той, что у смоленских ворот, какой-то ромей забижает Бьет. Ты проведай что да как, ладно?

– Проведаю, – кивнул Славка. – У дружка моего Антифа мать в ту церковь ходит. Коли правда, так я того ромея...

– А вот этого не надо, – перебил Славку старший брат. – Князь наш сейчас с ромеями переговоры ведет по торговым делам. Значит, ссориться с ромеями нельзя. Узнай, что сможешь, а дальше я сам.

Тут Артёму подвели коня, и он прыгнул в седло. Но Славка поймал его коня за узду:

– Слышь, братец, а когда меня – в гридни? – спросил он вполголоса.

– Скоро, – пообещал Артём.

Тут его конь извернулся и цапнул Славку за руку. Схва-

тить не сумел, но узду Славка выпустил, и конь, презрительно фыркнув, зашагал в воротах.

– Княжий гридень Богуслав... – медленно, смакуя, произнес Славка. Звучало основательно.

«Сегодня парням расскажу... – подумал он. – Или нет, не расскажу. Выйдет, что хвастаюсь. Пусть сами узнают...»

* * *

Маленькую харчевню неподалеку от Иудейских ворот держал старый хузарин из Итиля, перебравшийся в Киев еще при князе Игоре.

Йонаху мужу Славкиной сестры, хузарин приходился кем-то вроде младшего родственника, потому Славку здесь при-вечали. И брали меньше, чем с других. Здесь, правда, не подавали свинины, зато вино и пиво всегда были отменные, а рыба и дичина – свежие.

Трое друзей сидели за выскобленным до белизны столом, угощались копченым лещом, конской колбасой да соленой черной икоркой, запивали нехитрую закуску густым свежесваренным пивом и говорили о важном. О славе и удаче.

– Самый удачливый из нас – ты, Славка, – заявил Малой. – Вот шли мы втроем, а злодея заметил ты. А кабы я его заметил, тогда бы не ты, а я князя уберег. И мне была бы слава, а не тебе. Вот она, твоя удача!

– Удачлив я, это ты верно говоришь, – с удовольствием

согласился Славка. — Только злодея я не по удаче заметил, а потому что ворон на том навесе не было. А нас ведь учили: за птицами следить. Где птицы не так себя ведут, там — неладно. Вот я и заинтересовался.

— За птицами — это в поле, — возразил Малой. — Кто ж в городе ворон считает?

— Воин — он всегда воин, — наставительно, стараясь подражать интонациям отца, произнес Славка. — Хотя в городе, хоть в Диком Поле. Он везде все видеть должен.

— В городе Малой только девок видит, — хохотнул Антиф. — И насчет удачи я с ним не согласен. Потому что у тебя, Славка, удача не своя, а родовая. Как у князя. Вот возьми хоть тот бой на Хортице. Отец твой один из всей ближней дружины и уцелел. А мой — погиб. Князя убили, всех убили, а воевода Серегей — живой.

— Он бы тоже умер, — сказал Славка. — Его мать выходила.

— А мать твоя что, другого рода? Вот я и говорю: родовая у тебя удача.

* * *

В тени старого дуба, обняв рукой низкую узловатую ветвь, стоял волох. Разглядеть его мог далеко не всякий, но деревлянин, приближавшийся к дубу, — углядел. Потому что знал: волох должен быть здесь.

По мере приближения к дубу деревлянин постепенно за-

медлял шаг и сгибался в поясе, а оказавшись рядом с волохом, замер на мгновение, а потом упал ему в ноги.

– Не убил, – негромко произнес волох.

Деревлянин промычал что-то невнятное.

– Встань, – велел жрец.

Деревлянин встал. Но головы не поднимал. Не смел.

– Ты – наш лучший охотник, – произнес волох. – Как ты мог промахнуться?

– Мне помешали, – хрипло проговорил деревлянин. – Человек князя отбил мою стрелу.

– Что за человек? – спросил волох.

– Княжий отрок. Сын воеводы Серегея.

Волох некоторое время молчал. Деревлянин же клонился все ниже. Он чуял, как боги глядят на него – и гневаются.

– Я знаю этот род, – наконец проговорил волох. – И воеводу, и его сыновей. Наши боги сердиты на них.

– Хочешь, я убью их? – предложил охотник. – Я видел, как воевода купался голый в Днепре. Я мог бы его убить так же легко, как тетерева на току.

– Нет, – волох качнул головой, как у дикого коня, гривой. – Ты не сможешь. От этого воеводы пахнет Кромкой. Он уже мертв, поэтому его невозможно убить. Так сказали мне боги.

– Я могу убить его сына, – предложил охотник. – Когда они молятся своему белому богу, то не видят ничего вокруг. Скажи – и я убью его!

– Нет, – вновь качнул головой волох. – Четыре лета назад,

когда умерла старая Ольга, мои братья хотели взять души сильных врагов. Сын воеводы был среди них. Воевода убил моих братьев пред ликами богов. А потом велел стесать сами лики. И боги ослепли.

– Этого не может быть! – воскликнул охотник.

– Это – есть, – спокойно произнес волох. – Много жизней уйдет, пока лики прорастут вновь. Воевода Серегей сильнее наших богов. Ты не убьешь его. Но не печалься. Мне дали знать, что сюда скоро прибудет один воин... Его повелитель – враг киевского князя. И тоже хочет его смерти. Думаю, у него получится то, что не получилось у тебя. Ступай.

– Ты отпускаешь меня? – удивился охотник. – После того как я не выполнил волю богов? Значит, боги больше не гnevаются на меня?

– Боги сердиты, – сказал волох. – Но они знают, что душе твоей еще рано уходить. Ступай.

– Мой господин! – Охотник склонился так низко, что волосы его коснулись поршней волоха. – Позволь мне оставить богам дар...

Развязав сумку, охотник положил к ногам жреца несколько кусочков серебра.

– Это честное серебро, – сказал он. – Я получил его за свои меха.

Волох отодвинул ногой один резан, остальные подтолкнул охотнику.

– Забери, – сказал он. – Богам хватит и малого. А тебе

нужно заботиться о родичах.

Кланяясь и благодаря, охотник подобрал серебро и припустил прочь.

Когда он пропал из виду, волох сердито поддал серебряный резан, и тот улетел в ближайший черничник.

– Резан... – проворчал волох. – Гривны золота мало, чтоб откупиться тебе за такой промах! А с тобой, воевода Серегей, мы еще сочтемся за твое зло! Стрела в сердце покажется тебе счастьем! Ты еще позавидуешь своему князю! Слышите меня, всесильные боги?

Шелест листвы был ему ответом.

Глава пятая

Князь и ярл

Ранняя осень 974 года от Рождества Христова.

Сюллингфьёрд

– Я слышал – жениться ты хочешь? – Ярл Дагмар со стуком опустил серебряный в каменных кубок, взятый железом у сирийского купца и повернулся к Владимиру.

Владимир поглядел на этот кубок дивной тонкой работы, совсем не уместный на грубой столешнице, испятнанной жиром, кровью и воском, изрезанной ножами. Кубок, из которого следовало пить выдержанное, такое же тонкое вино, а не мутное свейское пиво. Кубок, созданный для утонченной роскоши владык Юга и Восхода, был чужим здесь, в логове северного ярла, в длинном доме с земляной крышей, уже присыпанной ранним осенним снегом. Он был так же странным здесь, как странными казались синие чистые глаза на красном, огрубевшем от морских ветров и соленых брызг, лице хозяина Сюллингфьёрда Дагмара Ингульфсона.

– Не то чтобы я хотел жениться... – Владимир поставил чашу, из которой пил – тоже серебряную, тяжелую, тоже с каменьями, но простойковки, – рядом с сирийским кубком. Чаша эта была мерой уважения Дагмара. Будь на месте Владимира какой-нибудь ромей, он решил бы, что хозяин ставит себя много выше новгородского князя. Однако это было не

так. Ярлу было плевать на тонкость работы и красоту сосуда. Главное – сколько марок потянет на весах драгоценный металл. Чаша была вдвое тяжелее кубка. Это – главное.

– Дядька Добрыня попросил, – сказал Владимир. – Очень ему хочется задружиться с Полоцком.

– А тебе?

– А по мне – так биться с ними веселее, – Владимир усмехнулся. – Хотя я был не против. Рогнеда – кобылка добрая, хоть нравная.

– Нравная, – согласился Дагмар. – Тебе вот не далась.

– Ну это еще поглядим, – Владимир нахмурился. Угадав по его лицу невысказанное желание, сбоку подскочил рабтрэль, наполнил чашу пивом.

– Так что же, раздумал ты жениться? – спросил Дагмар. – А то у меня и девица на примете есть. Тоже нравная, однако такому, как ты, знаю, не откажет.

Владимир усмехнулся, однако увидел, что Дагмар серьезен, понял, что речь идет не о девке-наложнице, и усмешку с лица согнал.

– И кто же эта девица? – спросил князь.

– Сестра моя Олава.

Владимир невольно оглянулся на другой конец стола, где сидели женщины: мать Дагмара, его бабка по отцу, его вторая жена и две наложницы. Сестра Дагмара была среди них. Сейчас ее вряд ли можно было назвать красавицей: лицо ее и фигура еще сохраняли угловатость подростка.

– Не слишком ли она молода для замужества? – усомнился Владимир.

– Может, и молода, – согласился Дагмар. – Однако я видел, какими глазами она смотрит на тебя, друг мой. И вдобавок я дам за ней столько серебра, сколько она сама весит. А весит она немало, потому что кость у нее наша, крепкая. Возьми ее, Вальдамар-конунг, и мы с тобой породнимся.

– Что ж, – неторопливо произнес Владимир. – Породниться с тобой я не против. И сестру твою я немного знаю. У нее сильный характер. Как раз такой, какой должен быть у водимой⁵ жены. Однако давай спросим ее саму: хочет ли она стать моей женой.

– Давай, – согласился Дагмар. И, к немалому удивлению Владимира, немедленно приступил к делу.

– Эй, сестренка! – гаркнул он так, что закачались огни в плоских светильниках. – Послушай, скажу тебе что-то интересное!

– Уж не хочешь ли подарить мне новый плащ? – со смехом отозвалась девушка. – Взамен того, что ты пользовал вместо подстилки на прошлой пирушке.

– Нет, плащ я тебе не подарю, – ответил Дагмар. – Зато я знаю, кто тебе его подарит. И еще – расплетет твои косы. Я нашел тебе мужа, сестренка!

Тут все в доме умолкли, а Дагмар поднялся, взявши в руку свой сирийский кубок, и произнес, как принято у сканди-

---

⁵ Водимая – главная.

навов, такой стих:

Сборщик славы ратной,
Пахарь поля смерти,
Меч его окрашен
Теплой кровью вражьей,
Он ведет на жатву
Стаю шлемоносных,
Но еще отважней
Он девиц сражает.
Каждая готова
Разделить с ним ложе.
И рожать герою
Сыновей прекрасных.
Но замолвил слово
Сладкогласый Дагмар
И из прочих выбрал
Олаву, дочь Тюри,
Славный конунг русов,
Вальдамар могучий!

Закончил вису, опрокинул в глотку пиво и с такой силой опустил кубок на стол, что несколько самоцветов выскочили из своих гнезд...

...Тут все увидели, как краска залила щеки юной Олавы. А в следующий миг сестра Дагмара вскочила и бросилась вон.

В доме сразу стало шумно. Каждый из воев, расположив-

шихся за длинным столом, пожелал высказаться. Поэтому, чтобы быть услышанным, Дагмару пришлось кричать прямо у ухо Владимира:

– Ну что расселся, жених? Беги! Догоняй!

* * *

Свадьбу сыграли в Новгороде. На солнцеворот. Сыграли не по свейскому а по новгородскому же обычаю: шумно и весело. Со скоморохами и звериной травлей. С горами снежными и молодецкими потехами. С шутейными боями и стародавними языческими обрядами. Радовалось сердце, радовался глаз... Животы тоже радовались: накрытых столов было – не счесть. На весь честной новгородский люд. Съеденного было – с гору. Выпито – море. Зубов выбито на обычном для всех новгородских празднеств кулачном побоище – мешок. Князь не поскупился – и Новгород тоже отдалился за гульбу честь по чести. Гости с подарками молодым шли – потоком. Как рыба на нерест идет: плотно, одна к одной.

Были гости от ляхов и от моравов. Из Киева, от брата Ярополка, прибыл сам боярин Блуд. Правда, подарков привез мало (должно, растряс по дороге, говорили знающие люди), зато с новгородскими важными людьми со всеми перешептался.

– Пускай, – сказал племяннику дядька Добрыня. – Одно лишь он вызывает: крепок ты в Новгороде.

Прибыли посланцы и из Полоцка. От князя Роговолта и, отдельно, от Рогнеды.

Княжна подарила невесте серебряный венец германской работы и к нему – собственноручно затканное лебедями покрывало. Как бы с намеком: любите, молодые, друг друга и более никого. Это – невесте. Жениху – ничего. Вдруг бы не принял?

А Владимир бы не принял, это наверняка.

Глава шестая

Богуслав, гридень княжий. Забавы любовые и дела рискованные

Порубежъе к югу от Киева.

Лето 975 года

Улька, Улька! Чудо-девка! Не глаза у нее – топь. В первый раз увидел ее Славка – и утонул. Жил вроде по-прежнему, работу свою воинскую исправлял, с друзьями пиво пил, поясом новеньким золотым гордился... А забыть не мог. А тут велел ему сотник с парой отроков караван сопровождать – со снастью разной в строящийся городок, – и угодил Славка в самую середку топи. Верней, не топи, а цепкой ловчей сети.

Страшные слова: Дикое Поле. Жить близ него – все равно что зимой, в лютом месяце среди дремучего леса заночевать. Оружной ватажке – еще ничего. А вот одинокому путнику, да еще с бабами, с детьми от волчьей стаи нипочем не отбиться. Даже если он – гридень опоясанный. Сам спасется, а семью серые зарежут.

Так и здесь. Степняки – что волки. Всегда голодные и всегда рядом. Однако ж, как и волки, копченые рисковать не любят: получив достойный отпор, откатываются и ждут более удачного случая. А по обжитой земле ходят с опаской. Как волки, что зимой забегут в село с голодухи, схватят быст-

ренько, что получилось, и со всех ног – прочь. Потому что на сполох тотчас выскакивают мужи оружные – и бьют. Потому и выстраивает княжья Русь еще с Олеговых времен на степных рубежах: на холмах, на многочисленных притоках днепровских да и на самом берегу – где городки небольшие, где просто башенки дозорные. Земли тут отменные, дани нет... Верней, дань тут не князь, а степняк собирает. Если зазеваться.

Потому на порубежье люди живут не такие, как на внутренних землях. Часто – пришлые, посаженные на землю, как те же касоги или хузары. Или печенеги замиренные. Сидят и свои, коренные. Из опытных воев. Такие вот, как Горомут. Поставят городок, укрепятся, людьми обрастут, земли вспашут, скотину заведут, силенок поднакопят – и уже не городок, а город встанет на речной излучине или на крепком холме. И станет тогда Горомут уже не сотником-старшиной, а боярином...

Если степняки не съедят.

Этот городок только нарождался. Обитатели его уже успели возвести первую стену – плотный частокол из оструганных бревен, смазанных особой, от огня и гнили, мастикой. Теперь поставить второй ряд частокола, засыпать между рядами землю – и готова степная крепость.

Сами строители жили в шатрах да шалашах. Большинство – бывшие вои, отлично понимающие, что главное на краю Дикого Поля – не собственные избы, а безопасность. Как за-

кончили с первым частоколом (но не раньше), привезли в городок семьи и скот, построили общий нужник, прорыли колодец, начали закладывать кузницу...

Словом, работа кипела, и все привезенное обозом разобрали вмиг. Раздербанили даже сами телеги: здесь, в Степи, любое дерево в пользу идет. Возницы сели на упряжных коней и двинули обратно – туда, где дожидались у высокого днепровского берега свенельдовы насады. Отроки, подначальные Славке, уехали с ними. А сам Славка – остался. Потому что городище это, как оказалось, принадлежало сотнику Горомуту, Улькиному отцу.

Знал бы Славка, что встретит дочку Горомута, подготовился бы: бронь надел, золотом подпоясался, чтоб увидела девушка – не отрок пред ней, а княжий гридень. Но Славка не знал и потому въехал в поселок в рубахе, даже не в седле, а на возу, верхом на тесаных бревнах, как какой-нибудь кривичский дровосек.

То есть с точки зрения воинской науки все было правильно. Хороший воин не станет зря боевого коня утомлять. И себя – тоже не станет. Это только в сказках бабушкиных воины повсюду в бронях разгуливают, а в жизни без нужды ни один вой доспехи без причины не наденет. Тем более жарким летним днем.

Но у воинской науки одни правила, а у любовной – другие. И по этой науке Славка – оплошал. Но Улька все равно обрадовалась. Как увидела Славку – сразу к нему. На предло-

жение прогуляться по степным травам ответила: с радостью!

И побежала к своему домашнему шатру – отпрашиваться. Тут ей повезло. Горомут вряд ли отпустил бы девку: хоть и могуч княжий гридень, а один. Здесь же – Дикое Поле. Налетит десяток степняков – и ищи потом девку на рабских торгах. Однако отца на ту пору не было – отъехал с охотниками в плавни травить кабанов, а мать Улька уговорила.

И увез Славка сотникову дочь в Степь. На прогулку. Правда, недалеко: стрелищ на десять. До ближайшей сенной копёнки.

Дочка сотника – это не теремная девка, которой всякий дружинный вой подол задрать может. Улька прежде, до Славки, вообще парней к себе не подпускала. А охотников до нее было – не сосчитать. Собой – красавица: глаза синие, щеки румяные, коса – толще Славкиного запястья. Грудки пышные, ножки быстрые, а стройна!.. Славкиной шейной гривной подпояшется, и еще на узелок хватит.

Ох и строгая оказалась девка! Пусть и глянулся ей отрок, а себя Улька блюла. Славка не обиделся, хотя и не привык, чтоб девки его в строгости держали. Впрочем, он уже знал, что слова нежные, да ласки, да настойчивость всегда проторят дорожку к девичьему сердцу. А когда девичье сердечко размякнет, то и тело белое разнежится... и сдастся на милость могучего воина. А уж миловать он его будет до-олго и сладостно.

Однако вышло так, что вместо сладких ласк угодил Слав-

ка в большие неприятности. Это у него иной раз очень ловко получалось: в приключения попадать. Такой уж у Славки был характер... Приключенческий.

* * *

Сизый столб дыма первым заметила Улька. Такая ненаблюдательность была бы стыдной для Славки, однако в оправдание ему следует сказать: прелестные Улькины грудки, украшенные изумительными розовыми сосочками, выглядели много интереснее, чем желто-зеленая днепровская степь и бледное южное небо.

– Славка, пусти! Славка, ну пусти же! Там... Да пусти ты, лихо! Гляди, что там!

Славка с огромной неохотой оторвался от увлекательнейшего занятия: выпрастывания из сарафана юного девичьего тела – и поднял голову...

Несмотря на молодость, Славка был воином. И не просто воином, а варягом, пусть даже вместо густых варяжских усов на верхней его губе золотился несолидный юношеский пух. Поэтому, увидев бледный сизый дымок, поднимающийся к небу примерно в тридцати-сорока стрелищах от копёнки свежего сена, которую облюбовали они с Улькой, Славка мгновенно позабыл о девичьих ласках.

Славкин конь, пасшийся неподалеку, поднял голову и восторженно поглядел на хозяина. Боевой конь-четырёхлет-

ка хузарских кровей, взятый жеребенком и обученный самим Славкой по всем правилам степной воинской sprawy, угадывал желания и чувства хозяина не хуже, чем овчар-волкодав – желания пастуха.

Сторожем конь тоже был не худшим, чем пес, да и волка мог бы стоптать, если бы тот по глупости сунулся к боевому коню. Однако натаскивал Славка своего мышастого тонконового жеребца не на четвероногих разбойников, а на куда более опасных – двуногих. Вернее, шестиногих, потому что в Степи конь и человек – нераздельны.

Сейчас враг был слишком далеко, чтобы конь его почуял, поэтому встревожился жеребец лишь потому, что забеспокоился его друг-хозяин.

– Умница, Улька! – похвалил Славка девушку, оглядел ее еще раз, такую красивую и желанную, с полураспущенной косой, синими глазищами и такими чудесными изгибами и выпуклостями, которые лишь мгновение назад жили-текли под Славкиными ладонями... Оглядел, вздохнул... И поднял с земли свой сапожок с острым носком и мягким голенищем из тонкой кожи, с торчащей из кармашка рукоятью ножа и справным каблучком, чтоб удобно упираться в стремя.

Конь, увидев, что хозяин обувается, подошел, толкнулся головой в Славкино плечо.

Славка потрепал его ласково, надел рубаху, надел стеганку, затянул шнурки, проверил, ладно ли села, достал из переметной сумы пахнущую маслом кольчужку, надел и ее, по-

вел плечами, встряхнулся, чтобы бронь легла как надо...

Улька, которой одеться – всего-то оправить сарафан да подпоясаться, смотрела на него с тревогой.

– Ты чего? – спросила она, глядя, как Славка облачается в бронь. – Драться, что ли, собрался? Бежать надо!

– Надо, – согласился Славка, наклонился, поцеловал девушку в мягкие губы, выпрямился и натянул на голову проложенный изнутри мягким войлоком и обмотанный сверху тканью (чтоб меньше грелся на солнце) круглый, с прорезями наглазников варяжский шлем. – Беги, моя ладо, тут недалеко.

– А ты? – с беспокойством спросила девушка.

– А я туда сбегая, – Славка кивнул в сторону дымной полосы. – Там – городок касожский стоит. Гляну, чего там такое. – И добавил, чтоб не волновалась: – Если опасное что – я у касогов укроюсь. Там застава крепкая. Все будет хорошо, ладо моя! Не первый раз, чай!

Улька глянула на Славкино лицо – и увидела уже не румяного рослого парня, милого друга, а – *воина*.

Сердечко ее забилося чаще: прежде она не видела Славку в полной воинской зброе. Ульке даже не поверилось, что этот грозный воин только что гладил ее ноги, а она отталкивала его, не позволяя трогать то, что трогать нельзя.

Улька поняла, что, если бы *этот воин* захотел ее, она бы не посмела противиться. И уже не посмеет...

Поняв это, Улька зарделась, позабыв на миг даже о близ-

кой опасности.

– Беги! – скомандовал Славка, легко взлетая в седло и движением колен поворачивая коня.

И Улька проворно припустила по травке, мягкой еще, не успевшей превратиться в колючую щетку под жарким летним солнцем, – только босые ножки замелькали.

Славка проводил ее взглядом, понял, что добежит (до городища – рукой подать) и своих предупредит заодно, и двинул коня навстречу степной напасти.

Поселок касожский встал на краю Дикой Степи девять лет назад. До того ясов и касогов повоевал Святослав, но проявил милость: кто не хотел платить Киеву дань, мог безвозмездно сесть на киевском порубежье. Считались они княжьей русью,⁶ но дани не платили. Их дань – землю киевскую

---

⁶ Пожалуй, здесь следует уточнить, что именно понимается под термином «русь» в описываемое время. В узком смысле это еще не народ, а, если можно так выразиться, «подданные» князя киевского. А территориально «русь» можно определить как часть приднепровских территорий в среднем течении Днепра (довольно обширных и плодородных), непосредственно, а не опосредованно (как, например, Новгород или Полоцк) подвластных киевскому князю. Разумеется, существует множество версий (очень противоречивых) происхождения этого слова. И о том, откуда взялись сами русы. В частности, первый из «русов» – князь Рюрик. Вот уж где широчайший простор для всяческих научных гипотез. Кто-то (в частности, весьма уважаемый мною Г. В. Вернадский) пытается выдать Рюрика за датского конунга Рорика из Ютландии, кто-то выводит русов из германцев. Некоторые историки даже предполагают, что первый и главный «рус», князь Рюрик, – это вообще вымышленная фигура, а «летоисчисление» русов начинается с Игоря Старого, вовсе не являвшегося сыном Рюрика. Однако «независимые» источники, например Константин Багрянородный, писавший о том, что ежегодно в ноябре «архонты» выходят из Киева вместе со всеми русами,

сторожить.

За девять лет касоги отстроились, умножили стада, обзавелись холопами, чтоб пахать добрую степную землю. Сами-то горцы к пашне непривычны. Жили сторожко, за двойным частоколом, посреди городка – сторожевая вышка, с которой глазастые касожские мальцы поочередно озирали степь.

Теперь от вышки тянулся густой хвост дыма, ворота были затворены, а на стене бдили стрелки. Печенегов они видели так же ясно, как и те – их. Внезапного наезда не получилось.

Раньше степняки на городища не лезли. Коли не удавалось застать врасплох, сразу уходили. В последние годы правобережные владения Киева ушли глубоко в степь, укрепились городищами, сторожевыми вышками да пограничными сторожами, так что налететь внезапно, как раньше, в дедовские времена, у печенегов не получалось. Да и Святослава боялись. Этот мог в отместку за дерзкий налет выследить и настичь главную орду, огромный степной город на колесах, вырезать всех мужчин, забрать стада и прочий скарб, женщин с детьми увести в рабство. Был род – и не стало. Тут трижды подумаешь, прежде чем наехать.

чтобы взимать дань со славянских племен, позволяют с большой долей вероятности предположить, что русь – это не коренные обитатели Приднепровья (как, например, поляне), а именно чужеродные властители. Хотя поляне несомненно были первыми, кто стал отождествляться с «русью», когда слово «Русь» стало определением государства. Недаром в «Повести временных лет» особо указано, что поляне теперь «...зовутся русь».

После смерти Святослава копченые обнаглели. Потеряли страх перед русью. Сначала коротко наезжали, а потом, осмелев, начали и на городища лезть. Артём говорил Славке: не наезды надо отбивать, а прямо в Диком Поле копченых бить. Прошлой осенью, когда Ярополк на полюдьё ходил, степняки Днепр переплыли и в трех поприщах от Вышгорода объявились.

Артём тогда взял княжью дружину, три тысячи гридней, и не только отогнал печенегов, но преследовал их в степи, настиг и побил всех.

...А тем временем другая орда зашла с заката, захватила и пожгла городки близ Неводичей. Ярополк после пенял Артёму, что тот бросил землю без защиты, и впредь гнать копченых в степи запретил.

Сейчас печенеги вертелись около касожского городка, однако уже ясно было: кус им не отломится. Славка прикинул численность копченых и понял, что штурма не будет. С трех стрелищ Славка не мог точно подсчитать степняков, но видел, что их не более полусотни. Ватажка слишком мала, чтобы сунуться на укрепленное место. Постреляют, покричат, подпалят что-нибудь снаружи да и уйдут. Вопрос: куда?

Домой, в Дикое Поле, – или рискнут идти дальше, к Киеву?

Славка, приподнявшись, оглянулся назад и с удовлетворением увидел еще пару дымов, пятнавших небо. Это значило, что где-то уже седлают коней, набивают стрелами кол-

чаны, вынимают из кожаных мешочков вощенные тетивы... Не успеет солнце пройти десятую часть дневного пути – и побегут навстречу печенегам порубежные сотни.

Степняки взяли правее, в сторону холма, на котором расположился Славка, и мимо касожского села.

При каждом всаднике – заводная лошадь, но шли не топча, ровной рысью... Волки на охоте.

Славка смотрел на приближающихся копченых без страха. Если что – хузарский жеребец унесет его от врагов. А коли погонятся, им же хуже. Славка – на своей земле, поведет их оврагами да перелесками... Прямо на княжих гридней выведет!

Славка улыбнулся. Идея ему понравилась. Он вытянул из колчана, наугад, пять стрел, выбрал из них пару лучших. Вон до того овражка – шагов двести. Ветра нет, день ясный, промахнуться просто невозможно. Славка снимет первого, кто выедет из оврага. А потом – второго. Потом быстро метнет еще три стрелы – и деру. Копченые – за ним. То-то будет весело. Коли повезет, на скаку Славка еще кого-нибудь достанет. Бить с седла его учил Ионах, муж сестренки Даны. Конечно, до Йонаха, «белого» хузарина из старинного воинского рода, Славке далеко, но печенегам он не уступит. А на мечях Славка любого хузарина уделает. Как и подобает настоящему варягу. Хоть и безусому.

Печенеги приближались.

Славка уже мог их счесть (копченых оказалось шестьде-

сят две головы) и разглядеть поподробнее. Какого они племени, Славка не признал. Они были не из тех копченых, что кочуют у границ киевских земель. Это непонятно. Печенег из разных племен любят друг друга не больше, чем медведь – росомаху. Идти через земли чужих кочевий для других копченых не менее опасно, чем для русов или ромеев.

Пора. Славка взял лежащий рядом (жарко же!) шлем, надел и затянул ремешок. Наложил стрелу...

Передовые печенег подъехали к оврагу, замешкались... Ненадолго. Овраг был неглубок, а склоны пологи. Копченые даже спешиваться не стали. Славка видел, как, подседая на задние ноги, обходя колючие ежевичные кусты, спускаются в овраг печенежские кони...

– Не уснул, рус?

Славка мгновенно перекатился на спину, натягивая лук...

Удар копейного древка выбил у него из рук оружие, нога в остроносом верховом сапоге придавила Славкину грудь, но Славка даже не пытался вывернуться, потому что в горло ему очень неприятно упиралось острие чужого меча.

* * *

– Ты что, бать? – удивленно спросил Артём, увидев, что отец застыл, не поднеся ложки ко рту.

Сладислава ничего не спросила, но тоже перестала есть, напряглась. Знала: такими слепыми глазами муж ее глядит

за Кромку. Когда подобное случалось, страшно становилось боярыне Сладиславе Радовне... Но мужа отпустило. Так же внезапно, как и прихватило. Глаза вновь стали зрячими, рука разжалась, уронив серебряную ложку в серебряную мису.

– Видел что? – проскрипел Рёрах.

– Да так, – неохотно проговорил Сергей. – Вина налей, – велел он девке-прислужнице.

Та поспешно наполнила кубки всем сидящим за столом, по старшинству: сначала – хозяину, потом – хозяйке, затем Рёраху и Артёму, после них – важному, разодетому пестро, аки селезень, заморскому гостю, который беседы не разумел, но на каждую фразу хозяина или хозяйки кивал с важностью. Последним девка наполнила кубок парса Артака. Тот хоть и был колдуном и мудрым человеком, однако числился холопом и в хозяйской трапезной вообще не по чину снедал. Такое в боярском доме не принято. Это у какого-нибудь мастера-кожемяки вся челядь за одним столом кушает.

– Йонаха когда ждем? – спросил Сергей сына.

– Третьего дня голубь прилетел. Если письму верить, сегодня будет.

– Не торопись со словом, – остерег Сергей. – Мало ли что случится.

– Да что с ним случится? – удивился Артём. – С ним две полусотни гридней: наша и княжья. Да Йонах сам полусотни стоит! Нет, батя, я за своего брата-хузарина спокоен.

– А за брата-варяга? – спросил Сергей.

Всерьез спросил, так что Артём задумался, потом поглядел на мать, тоже встревожившуюся, и ответил уверенно:

– И с ним все хорошо должно быть. Я его к одному сотнику любечскому послал. Обоз провести. Но это так, для порядка. Там не опасно. А ты все-таки что-то видел, да?

– Может, и видел, – уклончиво ответил Сергей. – Только видения мои не всегда понятны, верно, дед?

Рёрах усмехнулся:

– Это ты у нас дед, – отозвался старый варяг. – А мне боги внуков не даровали. А насчет видений ты правду сказал. Ошибиться можно. Бывает, даже сама Морена-Смерть ошибается. – И вбуравился в Сергея единственным глазом.

Ни на миг старый не поверил в последнюю фразу воеводы. К счастью, Сладислава сидела справа от Рёрах и взгляда этого не видела.

– Благодарствую, батюшка и матушка! – Артём поднялся. – Пойду я. Дела княжьи.

– Бога бы поблагодарил, – недовольно проговорила Сладислава. – Что ты, что Славка – никогда после трапезы не помолитесь. А ведь грех!

Очень изменилась Сладислава после того страшного лета, когда сначала покинула она родной дом, решившись уйти от мужа ради монашеского служения. А потом, когда вернули ее почти силком, едва не лишилась мужа по-настоящему. И поняла, как он ей дорог. И он, и дети. И корила себя Сладислава, и верила, что не столько ее лекарское искусство,

сколько вера и молитва спасли ей мужа. Она и раньше была набожной, а теперь и вовсе чуть ли не каждый день в церковь ходила. Впрочем, дела домашние и семейные она вела по-прежнему умело. А дел этих стало еще больше, с тех пор как был убит ее единокровный брат Момчил-Мышата. Мыш...

О нем Сладислава старалась не вспоминать. Она о многом старалась не вспоминать, и в этом только Бог был ей опорой. И семья. Большая семья. Род. Вот только Артём всё никак не женится. Байстрюков наплодил небось за сотню, а правильного дитяти, от венчанной жены – нет. И жены – нет. Уж искала, искала Сладислава ему невесту... Были и такие, что красой не уступали молодой княгине Наталье, жене Ярополка. А Артёму ни одна не глянулась.

Сладислава проводила взглядом прямую спину сына и привычно зашептала молитву. Нет у нее ведовского дара, как у мужа (и слава Богу!), однако ж и ей тоже было беспокойно. Спаси, Господи, и сохрани!

Сладислава поглядела на мужа, кивнула на гостя. Сергей чуть заметно качнул головой. Сладислава поднялась.

– Пойдем наверх, Атальстан, – сказала она по-латыни. – Расскажешь нам свои новости.

Глава седьмая

Богуслав, гридень княжий.

Умирать – так с честью!

Дикое Поле.

Лето 975 года

Те, кто взял Славку, отлично знали местность. Везли его низинками да рошицами, скрытно, стараясь не попадаться на глаза сторожам на вышках. Хотя если бы те и заметили, вряд ли всполошились, потому что всадники были одеты не по-степному, а обычно киевским воям. Они и были воями из Киева. То-то и обидно, что взяли его не печенеги, а свои, киевляне. Хотя какие они – свои? Служивые моравы боярина Блуда. Славка видел их в городе.

Очень обидно.

И вдвойне обидно, что сам виноват: спину не берег. Не думал, что по его следам могут свои идти. Небось отец или брат так легко не попались бы.

Обидно и стыдно. Его, опоясанного гридня, взяли как овцу. И как овцу связали и бросили поперек лошадиной шеи. Давно уж Славка так крепко не попадался. С тех пор как угодили они вместе с сестренкой в тенета деревянских волохов.

В тот раз батя выручил: поспел в самое время. Решил то-

гда Славка, что удача теперь с ним навсегда. И вот попался как перепел в детские силки.

Уполевавшие Славку вои ехали не торопясь. Оно и понятно. Славкин конек им не дался. Обучен чужих бить да кушать. Пришлось одной из моравских лошадок нести двойную ношу.

Когда висишь вниз головой на лошадином загривке, много не увидишь. Однако Славка все же успел заметить, что печенежская ватажка ушла в другую сторону. Интересно, куда же его все-таки везут? И зачем? И почему не убили сразу?

Однако в неведении Славка пребывал недолго. Вскоре запахло водой и ряской, лошади вошли в тень, а затем Славку без церемоний скинули на землю. Накинули на шею петлю, хвост аркана через путы на ногах.

– Встань, рус!

Не без труда Славка поднялся и увидел, что в рощице кроме него и похитителей собралось изрядно народу. Причем – весьма неприятного. Печенегов. Других, не тех, что вертелись вокруг касожского городка. Но – тоже не из кочующих близ Киева орд.

Моравов степняки приняли как своих. Славка вновь удивился. Копченые, как всем ведомо, на чужих, даже таких же печенегов, но другого племени, глядят – как повар на гуся. Мол, побегай пока. А настанет срок... Эти были другими.

В третий раз Славка удивился, когда увидел печенежского хана.

Никогда ему раньше не встречался печенег, вооруженный ромейским мечом-спатой. Хотя в том, что это именно печенег, сомнений не было. Плоская рожа, редкие усики, кожа цвета вяленой рыбы.

– Кто таков? – Печенежский хан навис над спешенным Славкой, щерясь и дыша чесночным запахом. На языке русов он говорил так чисто, что Славка опять удивился.

– Великого киевского князя Ярополка дружинный отрок, – на всякий случай соврал Славка. Помнил, как отец учил: если ты силен – пусть враг думает, что ты слаб, если слаб – пусть думает, что силен.

Однако слишком умаляться тоже не следовало. Славка попытался выпрямиться, но, когда руки скручены за спиной, а на шее – петля, привязанная к умело спутанным ногам, распрямить спину затруднительно. Разве что голову задрать наподобие черепахи.

– А сам ты – кто? – дерзко бросил Славка. – Кто твой большой хан? Кто ответ будет держать за то, что на нашу землю пришел?

И среагировав на свист, мгновенно присел, так что хвостатая печенежская плетка впустую свистнула в воздухе.

– Разве я велел его ударить? – спросил хан, и замахнувшийся снова степняк опустил руку.

Хан соскочил на землю и этим опять удивил Славку. Нет, спешился печенег ловко, однако совсем не так, как это делают степняки. Те будто *стекают* с седла (Славка и сам так

умел), а этот – прыгнул.

– Ого! – Хан ткнул пальцем в Славкину кольчугу. – Отрок, говоришь? А броня у тебя, *отрок*, лучше моей. Может, ты – подханок? Или – сам хан русов?

– Я – сын воеводы, – заявил Славка. – И мой отец – по-лучше всяких там разных ханов!

Сказал – и тотчас поймал заинтересованный взгляд морав. Так смотрят, когда на торге выбирают коня: пытаюсь по стати угадать, на что тот способен. Выходит, не признали его моравы. Значит, не за ним охотились, а просто подвернулся им Славка. Коли так, может, не убьют? Отпустят за выкуп? Денег у них в семье довольно.

Печенег глядел на Славку иначе, не так, как морав. И взгляд у него был нехороший. Сожалеющий такой... Мол, добрый ты парень, а придется тебя... того.

Такие взгляды Славка видел не однажды. У князей и прочих владык, когда те вынуждены были выбирать между Правдой и личным расположением к тому, кого надо осудить.

По этому взгляду Славка догадался, что печенег этот – не мелкий вожак, а настоящий хан. И еще – плохи его, Славки, дела.

Хан принял решение.

– Помолись своим богам, рус, – сказал он негромко. – Сейчас ты умрешь.

Славка кивнул. Он назвался. Рано или поздно весть о

Славкиной смерти дойдет до отца. Его родичам не придется стыдиться. Они узнают: Славка принял смерть с достоинством.

– Вели развязать мне руки, чтобы я мог помолиться, – попросил он.

– Развяжите его, – приказал печенег по-своему. И добавил на языке словен: – Но меча, рус, я тебе не дам.

– Я не нурман, – буркнул Славка. – Бог меня и без меча примет.

По знаку вожака один из печенегов развязал путы на Славкиных руках.

И встал позади. Будь у Славки свободны ноги, он бы рискнул: бросился на копченого, попытался отнять саблю... Скорее всего, Славку бы зарубили. Сабля – не нож. С ней безоружному не совладать. Но вдруг...

Да чего там гадать. Ноги-то спутаны.

Славка был крещен во младенчестве и часто ходил в Христову церковь. Вместе с матерью. Один – никогда. С матерью – в церковь, с дружиной – на Перуново капище. Правда, там, на капище, Славка жертв никогда не приносил. Прочие дружинники относились к этому с пониманием. Тем более что Славка был не единственным христианином в киевской гриди. Тем более что лучшая жертва Перуну – не пронзенный копьем раб, а кровь врагов, пролитая на сече.

Будь у Славки хоть какая-то надежда принять смерть в бою, он бы обратился не к Христу, а к Перуну. Но сейчас, ко-

гда надежды не осталось, главным и единственным его Богом был Христос. Потому именно к Нему обратился он в свой последний час.

Опустившись на колени, Славка обратил взгляд к небу, спрятанному за серебристыми листьями верб, и прочел по-булгарски и по-ромейски «Отче наш», потом «Верую». Других молитв не знал. Закончил и сразу встал. Искушения потянуть время – не было. Напротив, интересно было: как его встретят там, в раю? Или – в Ирии? Славка и сам не знал, куда попадет, когда ему перережут горло. Он ведь не только христианин, но и варяг.

– Я помолился, – сказал Славка, бесстрашно глядя в узкие глаза печенег. – Теперь убивай.

Но вождь копченых опять его удивил:

– Ты – истинно верующий? – спросил он по-ромейски.

Славка промолчал. А чего болтать – все равно убьют. Но тут наконец рискнул подать голос один из пленивших Славку моравов.

– Ты не можешь его убить, – сказал он. – Это наш пленник, а не твой.

Печенег перевел взгляд со Славки на морава. Долго смотрел. Морав под этим взглядом сник, но все же пробормотал еще раз:

– Мы его в полон взяли. Наш он по Закону.

– И в полон ты его тоже по *Закону* взял? – насмешливо спросил странный вожак степняков.

– Он – нашей веры, – глядя в землю, проговорил морав. – Нехорошо христианину убивать христианина.

– Да ну? – усмехнулся печенег. – А я не знал. Но если тебя это смущает, пусть его убьет вот хотя бы Упайчи, – вождь кивнул на краснорожего степняка, который хотел огреть Славку плетью.

– А можно я его не сразу убью, мой господин? – попросил Улайчи.

– Нельзя, – отрезал вождь. – А теперь, друг мой, – сказал он мораву, – назови еще одну причину, по которой я не должен убивать этого юного храбреца? Он-то меня прикончил бы не задумываясь.

К удивлению Славки, последнюю фразу он произнес по-ромейски.

– Тебя прикончат и без меня! – дерзко заявил Славка. – Тебя выследят и зарежут, как овцу! Тебя и всех твоих воев!

Вожак печенегов на Славку даже не взглянул. Он смотрел на мораву.

– Есть и другая причина, – тоже по-ромейски буркнул морав. – Его отец очень богат. Заплатит большой выкуп.

– Насколько большой? – поинтересовался вождь степняков.

– Сто гривен серебра, – ответил морав и покосился на остальных печенегов.

Те слушали с интересом, но, похоже, ничего не понимали.

– А может, и больше сотни, – сказал морав.

– Больше, – уверенно произнес хан. – У этого отрока одна бронь стоит не меньше тридцати гривен. И все же его придется убить. – И приказал по-печенежски: – Улайчи, прикончи его!

Названный неторопливо вытянул саблю. Крутанул вокруг кисти, красуясь.

– На колени, рус! – велел он. – Хан милостив. Ты умрешь быстро. Я разрублю твою башку и накормлю богов твоим мозгом.

– Бронь не попорти, – предупредил кто-то.

Улайчи только хмыкнул и повторил:

– На колени!

Славка покорно опустил плечи. Правда, не на колени, а на корточки. Со спутанными ногами это удобнее.

Моравы мрачно смотрели на него. Видно, уже раскаивались, что приволокли пленника сюда. Интересно, как бы они брали за него выкуп? Пришли бы к отцу, сказали: мы тут твоего сына схитили. Сколько дашь за его свободу?

Тут бы им и конец.

Мысли текли будто отдельно. Ум же Славки точно отмечал каждое движение палача... А в смерть все равно не верилось.

Пока жив – не сдавайся! Так учили Славку сызмала. Пока жив...

Улайчи взмахнул клинком. Ударил, красуясь. Не очень сильно, зато очень умело. Как раз так, чтобы просечь череп-

ную кость...

...Славка собирался с честью принять смерть... Но тело его как бы само, бессознательно, по одной лишь воинской привычке уходить от удара, опрокинулось на спину. Ноги выбросились вверх, навстречу сабле...

Клинок у копченого и впрямь оказался замечательный, и следил за ним степняк хорошо, потому славно отточенное лезвие рассекло путы на ногах Славки, как коса – соломину.

Не встретив ожидаемого сопротивления черепной кости, сабля едва не воткнулась в землю.

Ее хозяин тоже удивился...

Но еще больше он удивился, когда Славка изо всех сил ударил его ногами в бок.

Копченый отлетел... прямо на своего жожака, едва не сбив того с ног.

А Славка вскочил на ноги (удача снова была с ним, раз копченые позабыли связать ему руки) и одним прыжком оказался на спине жожакова жеребца, который, как и следует хорошо вышколенному коню, стоял рядом с хозяином.

Когда на спине жеребца оказался чужой, тот, опять-таки как подобает хорошо обученному коню, тут же извернулся, по-змеиному выгнул шею и нацелился хватануть Славку за ногу.

Славка саданул его между ушей, выдернул из притороченного к седлу колчана стрелу и безжалостно воткнул ее в круп жеребца.

Жеребец вскрикнул от боли и рванулся с места. Миг – и он вылетел из рощи и галопом понесся вверх по пологому склону прочь от реки.

Ошарашенные печенеги опомнились быстро. И стремглав бросились за беглецом. Однако Славке все же удалось выиграть шагов двести. Вдогонку ему летели стрелы, но почти все они пели намного выше приникшего к гриве Славки. Никто из стрелков не хотел подбить коня своего вождя.

Жеребец взлетел на кручу. Впереди лежала степь, за ней – полосы возделанной земли, а дальше, примерно в тридцати-сорока стрелищах, – темнел крохотный зубчатый кубик-городище.

Славка оглянулся – и сердце его возликовало. Печенеги отставали. Конь вождя был лучшим в разбойной ватажке копченых. И сейчас он не скакал – летел над густой, по пояс человеку, зеленой травой. Жеребец был так же хорош, как Славкин «хузарин». А может, и лучше. Печенежские стрелы больше не долетали до Славки.

Славка сдернул с шеи петлю с обрезком веревки, сунул в седельную сумку. Пригодится. Снова глянул назад: погоня еще больше отстала. Конь, которого Славка больше не понукал, сбавил ход: пошел коротким скоком.

Славка не препятствовал. Он был занят исследованием захваченного имущества. Первое – небольшой круглый щит. Таким не примешь прямой удар, но скользящий отвести можно. Второе – полный колчан боевых стрел. Всяких: лег-

ких тростниковых с шиловидным наконечником, крепких широкожальных срезов, но больше всего было обычных, бронебойных, с круглыми и гранеными, смазанными воском наконечниками, с тщательно отполированными древками и еще более тщательно вклеенными под малым углом, чтобы закручивать стрелу в полете, белыми и черными перьями.

Такая стрела, посланная сильной и умелой рукой, за двести шагов пробивает не слишком крепкую бронь.

Третьим трофеем был лук. Это был главный трофей. Круто изогнутые «рога» стягивала крепкая, в палец, тетива из скрученных льняных нитей. Древесную основу усиливали изнутри роговые пластинки, а снаружи, в изгибах «рогов» и на «спинке» лука, наверняка были наклеены пучки тонких прозрачных волокон – расплюснутых и расчесанных сухожилий. Но увидеть их Славка не мог, потому что сверху лук был весь, кроме рукояти, оклеен тонким красным шелком, разрисованным белыми и синими узорами. Чудесная вещь. Славке тут же захотелось попробовать ее в деле. А почему – нет?

Славка чуть потянул узду и конь послушно перешел на шаг. Рысью в такой густой траве – никак.

Славка для пробы натянул тетиву. Его собственный лук, доставшийся врагам, был малость потуже. Но у этого плечи длиннее и изгиб покругче, так что шагов на четыреста-пятьсот стрелу метнуть можно. Другое дело, что, стреляя по такой крутой дуге, в цель даже Йонах не попал бы. Опасный пе-

рестрел – вдвое короче. Славка глянул назад: погоня приблизилась, но была еще достаточно далеко. Славка пошарил в седельных суммах, нашел кус вяленой конины, каменной крепости лепешку и фляжку разбавленного вина. Откусил, отхлебнул – и почувствовал себя почти счастливым.

Пострелять Славке не удалось. Со стороны реки раздался звук рога, и гнавшиеся за Славкой (а их было десятка два) развернули коней.

Славка подавил искушение пуститься вдогонку.

Спрятав лук, он повернул коня и шагом двинулся к городищу. Ему будет о чем рассказать в Киеве.

Глава восьмая

Ближний совет великого князя Ярополка Киевского

Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова

– Если ты хочешь сказать, боярин, что мой брат врет, так и говори, – негромко произнес воевода Артём.

Он стоял по левую руку от князя. По правую сидел воевода Свенельд. В совете он – выше всех, кроме Ярополка. У Свенельда – свои земли, мечом завоеванные. Своя сильная дружина. Иной раз и не поймешь, кто кому служит: Свенельд – великому князю или Ярополк – Свенельду.

Но Свенельд – честен. После гибели Святослава он мог бы и сам посягнуть на киевский стол. Силы, славы и опыта хватило бы. А у Ярополка – ни воинской славы, ни казны большой. Правда, за Ярополком была Гора. Боярство киевское. Тот же Блуд, на которого сейчас насел Артём. Зато у Свенельда – сорок лет воинской жизни. У Свенельда – опытные гридни, ходившие на Хузарию и Булгарию, дравшиеся с самим кесарем ромейским Цимисхием. И вся добыча, взятая войском Святослава в его славных походах. Свенельд немолод, но у него есть сын Лют, славный воевода, единственный, кто уцелел из ближников великого князя Святослава, если не

считать воеводы Серегея. Значит, есть кому принять власть, если старость возьмет свое.

Но честен Свенельд. Сдержал клятву, данную отцу Ярополка Святославу. Отдал княжью долю. Более того, сам сел рядом с молодым киевским князем, оставив земли свои сыну Люту. И помог Ярополку удержать вотчину. Опытен Свенельд. Вот и сейчас не торопится сказать свое слово. Смотрит князь-воевода на двух братьев, Артёма и Богуслава, – и дивится тому, как они непохожи. Младший – высоченный, плечистый, белобрысый, лицом – чистый кривич, а нравом – пылкий, истый южанин. Старший же невысок, темноволос, внешне спокоен. И голос у него ровный. Ни намека на гнев или угрозу.

– Если ты хочешь сказать, боярин, что мой брат врет, так и говори.

– Нет-нет, воевода! – поспешно произнес боярин Блуд и даже рукой махнул: мол, ничего подобного и быть не может.

Свенельд чуть заметно усмехнулся – уголком рта. Блуд – недруг. Однако умен и хитер. В делах ловок. За то и ценим был Ольгой и Святославом. А ныне – Ярополком.

Хотелось бы Свенельду, чтоб сказал сейчас Блуд: врет гридень Богуслав. Скажи он так – и любой из братьев вправе потребовать божьего суда. Причем, если суда потребует младший, у Блуда еще есть надежда выставить более сильного поединщика из гридней, а если старший? Ярополк знал нескольких воев, способных выйти на поединок с воеводой

Артёмом. Но ни один из них не станет драться за Блуда. А из прочих никто не рискнет.

Нет, не скажет Блуд, что врет гридень Богуслав. Лучше от своих людей откажется.

– Я не спорю, княже! – Губы моравского боярина растянула сладкая улыбка. – Может, и переведывался кто из соплеменников моих с копчеными, так то закон не возбраняет. Вот и отец твой тоже с печенегами дела имеет. И не только он. Верно я говорю? – Блуд обернулся к князь-воеводе Свенельду. Будто бы за поддержкой. А на самом деле – с намеком. Есть и у Свенельда связи с печенегами. Причем не только с замиренными, такими как Цапон, но и с дикими. И Блуд об этом знает.

Свенельду плевать на то, что пронюхал Блуд. Он глядит на сыновей воеводы Серегея... И взгляд этот – недобрый. Завидует князь-воевода. У него ведь три сына было. Старшего еще в отрочестве медведь на охоте заломал. Младшего ромеи убили. Только Лют один и остался.

Должно быть, почуял боярин Блуд недобрую эту зависть и решил, что не расположен князь-воевода к братьям Серегевичам.

Может, и так. Но все равно Блуд ошибся. Не на его стороне Свенельд. Впрочем, он и не на стороне братьев. Князь-воевода – исключительно на своей собственной стороне. И на стороне великого князя, конечно, если это не во вред самому Свенельду.

Ошибся Блуд, однако на сей раз Свенельд его поддержал: – Верно. – Но тут же уточнил: – Однако не с теми копченными, кто к нам немирнен.

– Вот и я говорю! – обрадовался Блуд. – Разве ты, гридень, видел, что те печенегии худое княжым людям делали или убили кого?

– Они хотели убить меня! – воскликнул Славка.

– Откуда знаешь? Хотели бы – убили. Сам помысли, великий князь: можно ли поверить, что две сотни степняков не смогли убить одного гридня, вдобавок связанного, когда того же гридня, притом свободного и оружного, двое обратали?

– Врасплох меня взяли! – возмутился Славка.

Блуд развел руками, а Ярополк неодобрительно поджал губы. Это не только Славке, но и ему хула: такие, выходит, у великого князя гридни, что их можно взять врасплох.

Славка прикусил язык: понял, что он на волосок от того, чтоб лишиться золотого пояса.

Вновь подал голос Свенельд.

– Допустим, ты прав, боярин моравский, – произнес князь-воевода. – И печенегии то были мирные, и людишки твои гридню этому худого не желали. Но гридень Богуслав – княжий дружинник. Посягнуть на него, отнять у него клинок и свободу – это преступление против нашего князя.

– Да шутовали они! – воскликнул Блуд. – Баловались!

– Допустим, – кивнул Свенельд. – А теперь пошутили –

будет. А теперь верни-ка, боярин, оружие князьему дружиннику. И немедленно.

– Да как же я его верну, если я понятия не имею, где мои люди!

– Твои люди, – с нажимом произнес Свенельд. – Тебе за них ответ держать.

– Да он сам виноват! – с привзвизгом воскликнул Блуд. – Хорош дружинник, у которого меч отобрать можно! – Но заметив неодобрительный взгляд Ярополка, спохватился: – Вернут они его зброю, княже, не сомневайся. Как у меня на подворье появятся, я с них немедленно спрошу! И накажу примерно, чтоб не баловали. У меня все по закону. Отняли имущество у княжьего человека – должны вернуть. Или возместить. Так ведь по Правде?

– Ты не понял, боярин, – холодно произнес Артём. – Князь-воевода тебе что сказал? Меч дружинника принадлежит князю. Не у брата моего оружие отняли – у великого князя киевского. Может, тебе напомнить, что по Правде положено за хищение зброи у князя? Напомнить?

– Твои люди – твой ответ, – сказал Свенельд. – Виру тебе князь сам назначит (Ярополк кивнул). Людей твоих, как вернутся, немедленно к князю. Может, он их и помилует – не станет руки рубить. Хотя по Правде можно бы им и головы с плеч. Напасть на дружинника, который нес княжий дозор, – за такое жизнью платят. И о печенегих тех, с которыми яхшались, тоже следует спросить. Крепко спросить.

– Да-да! – быстро подхватил Ярополк. – Я так же думаю. Приведи мне этих злодеев, Блуд, да не медли!

Боярин склонился почтительно, но всем, кроме Ярополка, уже было понятно: если кто и доставит этих моравов в терем княжеский, то уж точно не Блуд.

– Врать князю, конечно, негоже, а все-таки хорошо, что я сказал, будто ты по моему приказу в степи был, – заметил Артём, когда братья покинули княжий терем. – А с копчеными этими нам надлежит разобраться. Не может такого быть, чтоб целая ватажка степняков на наших землях так вот за-просто потерялась. Ладно, поехали домой. Послушаем, что батя скажет. Да и перекусим заодно. Ты небось голодный, братик?

– Турицу съел бы, – пылко ответил Славка.

До Киева он добрался пополудни – и сразу в Детинец.

– Как дома? – спросил Славка.

– Гости у нас.

– Кто?

– Сам увидишь, – Артём улыбнулся. – Ты удивишься.

Глава девятая

Удивительные трофеи Богуслава

Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова.

Гора. Дом боярина Серегея

Гости, что пожаловали в дом воеводы Серегея, и верно оказались удивительные. Вернее, один из них, потому что прочие были, считай, свои. Йонах Машегович даже и не гость, а родич. Муж Славкиной сестренки. Рядом с ним – вышгородский боярин Зван. Этот раньше у воеводы Серегея сотником был, пока не женился на дочке одного боярина. Боярин, однако, Звана едва до смерти псами не затравил... За что Нонах, лучший друг Звана, его и прикончил. Но Зван – тоже почти что родня. Считай, в одной могиле со Славкой и Йонахом полежали, когда их деревляне своим идолам хотели принести. Однако Перун Молниерукий с Истинным Богом Христом оказались посильнее деревлянских богов, и с тех пор у Славки, Йонаха и Звана – общая удача. Так старый Рёрах сказал. Жалко только, что матушка Сладислава Йонаха не очень любит. Йонах, он – неправильной веры и креститься не хочет.

Однако у неправильного верой Йонаха родились двое сыновей и оба живы. А у правильного верой Звана – вторая дочка.

Словом, Зван и Йонах – свои, а вот тот, кто приехал с ними...

Тут уж Славка удивился так удивился. Потому что третьим был печенег. Самый настоящий «копченый». Причем, судя по родовой вышивке, не из тех, с которыми в Киеве дела имели, а из самых ненавистных, из орды большого хана Курэя, того, что князя Святослава погубил. И, что вдвойне удивительно, привел его в дом воеводы хузарин Йонах.

Правда, голодный Славка тут же отметил, что на столе не было ни еды, ни напитков. В доме воеводы копченому не подали ничего. Это значило, что у печенег нет прав гостя и друга. По делу приехал степняк. И по делу серьезному.

– ...И сделали из его черепа чашу, – завершил свой рассказ печенег. – Украсили белую кость златом, аки венцом, а в том венце – каменья дорогие и особые. И пьют из той чаши только сам Курэй и ближние родичи его. Дабы унаследовала кровь Курэя славу великого воина, победившего многие племена и стяжавшего несметную добычу.

Разговор шел по-печенежски. Все здесь, кто хуже, кто лучше, понимали степной язык.

– А скажи мне, хан, сколько серебра надобно, чтоб выкупить сию чашу у Курэя? – спросил воевода Серегей.

– Много, – с важностью изрек печенег. – Да и то, лишь если я буду просить за тебя. Другого Курэй даже слушать не станет. А я – родич ему. Но даже мне уговорить его будет нелегко. Ни у кого в Великой Степи нет подобного сокрови-

ща.

– Уговори его, – сказал воевода. – Я не поскуплюсь, и ты тоже в обиде не останешься.

– Дай мне три гривны – и я буду говорить с большим ханом, – заявил печенег.

– Я дам тебе пять гривен, – ответил воевода. – Но лишь когда чаша будет у меня. И это только твоя доля, – уточнил отец Славки. – Выкуп большому хану – отдельно.

– Я рисковал, когда ехал к тебе, – недовольно произнес печенег. – Дай мне одну гривну сейчас.

– Эй! – подал голос Йонах. – Я поклялся, хан, что тебе не причинят вреда. Хочешь сказать: моя клятва – ничто?

На счету Йонаха было больше мертвых копченых, чем вшей на жадном печенеге. Поэтому негромкая фраза хузарина подействовала на печенегу не хуже, чем касание острого железа.

Степняк вздрогнул, напрягся... Но он был не глуп: сообразил, что клятва Йонаха защищает его и от самого Йонаха. Печенег расслабился и снова раздулся от важности.

А зря.

– Когда мы с тобой снова окажемся в Диком Поле, моя клятва будет исполнена... – произнес Йонах.

Продолжать он не стал. Печенег и без слов сообразил, что подразумевал хузарин.

«И тогда ты ответишь за свои слова».

– Я верю тебе! – поспешно заявил степняк. – Не нужно

денег!

– Ты добудешь мне чашу? – строго спросил воевода.

– Да!

– Хорошо.

– Держи, хан! – Воевода бросил на стол тонкую серебряную бляху с вычерненным соколом. Этот знак в Киеве был известен всем: такой же сокол, только синий на белом поле, украшал знамя воеводы. – Покажешь его – тебя приведут ко мне. А сейчас уходи. До лоды тебя проводят. Кормчий предупрежден.

Униженно кланяясь, копченый попятился к двери. На пороге уже маячили Артёмовы вои. За копченым – глаз да глаз. Еще сопрет чего...

Едва степняк убрался, в трапезной тут же появилась хозяйка с тремя домашними девками.

Девки засуетились, накрывая на стол, а матушка чинно опустилась рядом с мужем. Славка в очередной раз подивился: какая она махонькая – в сравнении с громадиной-отцом.

Славка с Йонахом обнялись, поцеловались по-родственному.

– Как Данка? – спросил Славка.

– Животик рбстит, – с удовольствием сообщил Йонах. – Артём, ты с ханком этим копченым надежных людей отправил?

– Надежных, – успокоил его Артём. – Не забалует волчок степной. Как думаешь, бать, не наврал он про чашу?

– Нет, – качнул головой отец. – О той чаше я уже от других слышал. А вот в том, что поможет ее выкупить, – сомневаюсь. Однако попытаемся. Не дело это, когда над прахом великого воина такое творят.

Стол между тем уже уставили блюдами со снедью: тушеной, жареной, вареной. Дичь и домашнее мясо, копчения, соленья, рыбка белая и красная, баранья похлебка с требухой и грибная соляночка, пироги сладкие и соленые, квасок и сбитень, пиво и мед. И кувшины с вином: зеленым и красным, болгарским, хузарским, ромейским...

Славка сглотнул слюну, но терпел. Ждал, когда будет можно.

– Возблагодарим Господа! – строго произнесла матушка.

– Отче наш, иже еси... – торжественно начал воевода. Остальные подхватили. Кроме Йонаха. Хузарин поклонялся Богу по-своему. И молился не по-болгарски, а по-иудейски. Все попытки тещи обратить его в истинную веру хузарин вежливо пресекал. Правда, не возбранял жене молиться Христу, чем отчасти примирил набожную Сладиславу со своим иноверством.

– ...Аминь! – произнес вместе со всеми Славка, тут же сцапал со стола кусок пирога размером в бронное зеркало и вгрызся.

Некоторое время ели молча. Потом Артём сказал:

– Славка, хорош жрать! Расскажи-ка отцу о своих приключениях.

– Дай малому спокойно покушать! – сердито сказала мать.

– Какой он малой? – возмутился Артём. – Он – гридень!

Причем *мой* гридень!

– Это он в Детинце – гридень, – отрезала Сладислава. –

Ишь, раскомандовался, *воевода*!

Славка покосился на отца: тот ухмылялся. Нравился ему решительный нрав матери. По правде говоря, в доме ее боялись куда больше, чем хозяина. Страшней Сладиславы для дворни был, пожалуй, лишь дядька Рёрах. Да и то потому, что – ведун.

Однако Славке и самому не терпелось рассказать о своих подвигах.

Историю его выслушали очень внимательно. Славка опасался, что отец будет ругать за беспечность, но воевода никак не отметил оплошку сына. Только нахмурился. Впрочем, и хвалить за ловкость побега тоже не стал. Зато перестал хмуриться и начал выпрашивать, почему пленившие Славку хузары показались тому странными.

Славка как мог – объяснил. Отец подумал немного, потом велел:

– Лук покажи.

Славка сбегал за трофейным оружием.

– Добрая вещь, – похвалил батя, разглядывая лук. – Пожалуй, подороже твоей потерянной сабельки. – И непохоже на печенежскую работу. Думаю, арабы мастерили. Ну-ка, Йо-наш, глянь. Что скажешь?

Хузарин принял лук и глаза его вспыхнули.

– Знатно! – проговорил он восхищенно.

Вскинул взгляд на Славку:

– Продай!

Славка смутился.

Хузарин – родич. Причем – старший. Родич родичу не то что продавать – даже говорить о подобном не должен. Если понравилась брату вещица – надобно намекнуть. Тогда, если уважает Славка Йонаха, – должен одарить. А Йонах, в свой черед, – отдариться при случае. Так по обычаю. Хузарин о том знать должен... Забыл?

Славка растерянно взглянул на отца... Тот еле заметно качнул головой, потом – коснулся пальцем уголка глаза: будь внимателен, воин.

Славка посмотрел на брата-хузарина и понял: это трофейный лук смутил все его мысли. Из-за него Йонах даже о правильном обычае позабыл. Или испугался, что Славка откажет? Лук-то и впрямь дивно хорош. И расставаться с ним Славке немного жаль. Но как можно отказать старшему брату, когда тот – просит?

Пока Славка молчал, Йонах понял его молчание неправильно.

– Проси что хочешь! – воскликнул он. – Кроме жены, всё отдам!

Тут уж Славка опомнился:

– Да что ты такое говоришь, Йонаш! Бери его! Подарок!

Хузарин аж задохнулся. Потом вскочил. Обнял Славку.
На глазах – слезы:

– Брат! Не забуду!

Славка совсем смутился. Лук, конечно, хорош, но чтобы так...

Все же хузары – они другие. Не такие, как остальные Славкины родовичи.

Ну и ладно. Зато Славке стало вдруг очень хорошо. Правду говорят: дарить иной раз слаще, чем быть одаренным. Особенно если знаешь, что одаренный в долгу не останется. Отдарит не менее щедро. Так в обычае у всех: и у хузар, и у кривичей, и у нурманов. Разве вот у ромеев – по-другому. Ну так на то они и ромеи, чтобы имущество выше человека ставить.

Славка поймал одобрительный взгляд отца: молодец, сын!

А Ионах между тем все не мог успокоиться. Гладил оклеенную шелком спинку, нюхал, нажимал пальцами, проверяя упругость лежащих под шелком сухожилий... Видно было: хузарину очень хочется попробовать подарок, но он не решается.

– Ну, что скажешь? – повторил воевода. – Арабская работа?

– Нет, – мотнул головой хузарин. – Глянь, воевода, тут на шелке человечки нарисованы: арабы людей не рисуют – им Закон воспрещает. – Я так думаю, что это синдская вещь. И еще знаешь что скажу: луком этим если и владел печенег, то

недолго. А до того его хозяином ромей был.

– Почему ты так решил? – поинтересовался воевода.

– А ты его понюхай, батька. Рог – он запах держит. У печенег сам знаешь какой запах. А этот по-другому пахнет.

– Да ну! – усомнился воевода. – По мне так все, кто в Диком Поле месяц погуляют, пахнут одинаково.

– Нет, батя, не скажи! – неожиданно поддержал хузарина Артём. – Я ромея от хузарина по запаху всегда отличу. Хоть днем, хоть ночью.

– Днем я их тоже не спутаю, – проворчал воевода.

– Да ты сам понюхай, батька, – предложил Ионах. – Он же благовонным маслом пахнет. А печенеги свою зброю бараньим жиром натирают.

– Ладно, убедил, – не стал больше спорить воевода. – А после ужина давай-ка мы с тобой наведаемся к тому коню, которого добыл Славка. Да и рассмотрим в подробностях – и коня, и сбрую, и то, что в сумках седельных. Может, еще что интересное узнаем.

Обследование сумок сначала не дало ничего: обычный набор походных мелочей. Однако потом за дело взялся сам воевода – и тут же обнаружилось немало интересного. Например, маленький образ какого-то святого византийской работы, спрятанный в одном потайном кармашке. И ладанка с обугленной косточкой – в другом.

– В первый раз встречаю печенег – тайного христианина! – заметил Артём.

– А мы вот с Йонахом таких уже встречали, – отозвался воевода, продолжая осмотр.

– Где это? – ревниво поинтересовался Артём.

– Когда со Святославом в поход на ромеев ходили, – ответил Йонах. – Нашим копченым они тогда врезали крепко. Да и потом, уже в Булгарии, с ними тоже дрались. Ого! Вот это добрая шутка!

Это хузарин отреагировал на то, что воевода вытащил из разрезанного донышка седельной сумы.

– То-то мне показалось, что сумы – больно тяжелые, – не без сожаления проговорил Славка.

Воевода между тем продолжал доставать из разреза аккуратные золотые кругляши.

Артём схватил вторую суму и тоже вспорол донышко. В нем тоже оказались золотые ромейские номисмы.

– Добрую ты виру взял за свое пленение, гридень, – сказал Йонах, одобрительно похлопав Славку по плечу.

Славка поглядел на отца – и с удивлением обнаружил, что отец не столько рад, сколько озабочен. И старший брат – тоже.

– Значит, так, Артём, – сказал Сергей, – князю ничего не говори. С ним я сам потолкую. Завтра возьми три большие сотни и наведайся туда, где Славка все это раздобыл. Ты должен их выследить и взять. Непременно.

– Постараюсь, батя, – произнес Артём не очень уверенно. Оно и понятно: прошло уже больше суток.

– Уж постарайся, сынок, – хмуро произнес Сергей.

Где появляется ромейское золото, там всегда замышляет-ся какая-нибудь гадость. И чем больше золота, тем большая гадость.

Кому же она готовится на сей раз? Ярополку? Свенельду? Или – ему самому?

Сергей не знал. Но, как бы там ни было, главная мишень ромеев – быстро крепнущее Киевское княжество.

Почему посланцем выбран ромей печенежской крови? Самим-то печенегам плевать, кто привозит золото. Значит ли это, что деньги предназначены не копченым? А кому? Врагов у руси много.

Ладно, поглядим. Завтра Сергей поговорит с Ярополком. Свенельда тоже нужно предупредить. Эх, взять бы Блуда за гузно! Наверняка, сволочь, что-то знает! А еще надо через своих людей в Константинополе справки навести. Кто из печенежских ромеев сейчас в доверии у императора Иоанна? И кто из таких нынче в отъезде?

Золото многое может, а ромеи не только покупают, но и сами продаются. Хорошая тема: подкупать ромеев на ромейские же деньги. Одно плохо – дело это не быстрое. Если до осени люди Сергея в империи ничего не узнают, все может затянуться до весны.

А Славка – молодец! Везучий, чертенок! Правду говорят в этом мире: удача выше силы и больше богатства. За этот день парень добыл больше, чем палатийский этериот зара-

батывает за несколько лет. В этих сумках – цена двух отличных морских кораблей. Однако кораблей у Сергея и так довольно.

Вложим-ка мы их в пряности. В Европе они сейчас быстро растут в цене, а дорожка уже накатана. Все и всё, что нужно, смазано и крутится. И процент потерь вполне удовлетворительный. Даже лучше, чем шелковая торговля. Что говорить: дела идут отменно. У Сергея теперь торговые дома, считай, по половине мира разбросаны, а сколько у них богатств, ни он, ни Слада в точности не знают. Много. Очень много. Многотысячное войско можно нанять. Или купить корону небольшой страны. Однако есть вещи, которые не купишь. Например – Родину.

Глава десятая

Трудная доля великого князя

Киев. Лето 975 года от Рождества Христова.

Малая палата советов великого князя киевского

Сергей приехал к князю следующим утром. Нашел Ярополка на кремлевском подворье и за работой: великий князь с утра пораньше, пока не жарко, вершил суд: двое киевских бояр полаялись из-за свары холопов. Шум на судилище стоял изрядный: видаков с обеих сторон набралось больше сотни. Князь явно томился: этот галдеж ему изрядно надоел.

Рядом с Ярополком, но пониже, сидел князь-воевода Свенельд, грузный, важный. Крутил седой ус, морщился. Заметно было: тянет его вмешаться, но не хочет подрывать авторитет князя.

Появление Сергея Ярополк встретил едва ли не с радостью. Вскочил со своего высокого места, по-мальчишески прытко сбежал с помоста, однако тут же опомнился, остановился и ждал, покуда воевода спешится и сам подойдет к нему. Толпа сутяжников почтительно разошлась, пропуская боярина.

— Важное дело, княже, — после обмена приветствиями произнес Сергей. — Надо обсудить.

— Свенельд, будь вместо меня, — быстро сказал Ярополк и устремился к терему так проворно, словно опасался, что

князь-воевода откажется.

– Как здоровье, боярин? – вежливо поинтересовался великий князь, когда они вошли в думную палату.

– Неплохо, княже, спаси Бог, – ответил Сергей. – А дело у меня к тебе вот какое...

И без спешки поведал историю Славки, уже частично известную князю. А также – собственные выводы.

– Значит, ты полагаешь: это ромеи, обряженные печенегами, – произнес Ярополк. – Что-то мне в такое не верится...

– Не ромеи, обряженные печенегами, а ромейские печенеги, – уточнил Сергей. – Неглупо, между прочим. У печенегов, хоть и осевших в Византии, в степи остались родичи. Да и саму степь они знают неплохо. На твоих землях печенегов не жалуют, но кое-кто из тех, кому вера Христова особенно ненавистна, скорее уж с печенегом договорится, чем с ромеем. А если есть у лазутчиков помощник в Киеве, тот же Блуд, к примеру, то не так уж сложно превратить печенегов, скажем, в торков или, допустим, гузов. Сменить одежду, собрать караван из дюжины возков – и вот тебе уже не печенежский отряд, а мирные торговые гости.

– Может быть, – не стал спорить Ярополк. – Но зачем это Блуду или кому-то еще?

– Это как раз вопрос несложный, – ответил Сергей. – Деньги. А вот второй вопрос – что надо лазутчикам, это уже действительно *вопрос!*

– И что же им надо?

– Этого я пока не знаю, – задумчиво произнес Сергей. – Может, Артём что-нибудь выяснит. Может, кто-нибудь из наших подкинет что-нибудь интересное: такое количество воинов спрятать не так уж просто.

– Не согласен, – возразил князь. – Это в наших рощах особо не спрячешься, а в тех же деревлянских лесах можно хоть тысячу спрятать – не скоро найдутся.

– До деревлянских чащ еще дойти надо, – резонно заметил Сергей. – Этакая стая печенегов – не мышка полевая. Допустим, удастся им просочиться подальше от порубежья и разграбить какой-нибудь городок...

– Вот-вот, – согласился князь. – Чем дальше от Дикого Поля, тем народ беспечнее. Да и побогаче. Большую добычу взять можно.

– Взять-то можно, а дальше что?

– Дальше – ясно. Обратно в степь... – Тут князь приумолк, задумался и покачал головой: – Нет, вряд ли. Не пройти им с добычей через наши кордоны.

– Да и без добычи тоже не пройти, – сказал Сергей. – Как только они себя покажут – тут им и конец. Заполняют, как волков на выгоне. Однако, княже, хочу тебе напомнить: это не обычные степняки. Потому цели их – цели не обычных степняков, а злокозненных ромеев. Значит, дело не в добыче, а в чем-то еще. Позволь мне, княже, боярина твоего Блуда, лису моравскую, попытать. Его люди там были. Он должен что-то знать.

– Нет! – отрезал Ярополк. – Блуда не трогай. Не позволю я без верных доказательств боярина своего *крепко* спрашивать. А так он уже сказал, что ничего не ведает. А людей его, тех, что твоего Славку взяли, я тебе головой отдаю. Делай с ними что хочешь.

– Их еще найти предстоит, – заметил Сергей.

– Вот и найди! – распорядился Ярополк. Разговор ему уже наскучил. – И печенегов тех ромейских тоже поищи. Хотя сдается мне: ушли они обратно в Дикое Поле. Уже и след простыл.

– Добро, княже, – Сергей поднялся, намереваясь уходить, но Ярополк его остановил. Сказал другим голосом, мягким, почти ласковым:

– Погоди, боярин. Я рад, что ты – в добром здравии. Хочу, чтобы послужил ты мне так хорошо, как отцу моему. Хочешь – посажу тебя ошую? Выше всех, кроме Свенельда? Хочешь?

– Благодарю за честь, княже, – Сергей наклонил голову. – Пусть тебе сыновья мои служат. Но меня хвалишь не по заслугам. Если бы я действительно хорошо служил князю Святославу он был бы жив.

– Нет, – покачал головой Ярополк. – Чему быть, того не миновать. А то, что ты жив, а батюшка мой – нет, так на то воля Божья. Думаю, Господь спас тебя, потому что ты – истинной веры, а батюшка мой – язычник, света не принявший. – Ярополк вздохнул. – За сыновей тебе – спасибо! Младший растет славным воином, а старший твой – самый

верный мой воевода. Хороши у тебя сыновья, боярин, – продолжал Ярополк, – только мудрости твоей, особенной, у них нет.

Сергей удивленно посмотрел на Ярополка. Надо же – почувствовал. Нет, пусть сын Святослава и молод еще, но уже истинный правитель. Умеет не видеть, а *ведать*.

А князь между тем говорил:

– Трудно мне, боярин. Не знаю, кого слушать. Есть у меня Свенельд. Но он стар уже. Вдобавок не Христу, а Перуну кланяется и о своей выгоде не забывает.

– Не обижай Свенельда, – вступился Сергей. – Твой отец ему всю добычу болгарскую и ромейскую доверил. И он отдал тебе все честь по чести. Разве нет?

– Потому и сидит Свенельд от меня одесную и правит сейчас суд моим именем, – сказал Ярополк. – Но и ты мне послужи, воевода! Не велю – прошу. Послужи! Трудно мне.

– Пусть будет так, княже, – не слишком охотно согласился Сергей. – Только воин из меня теперь не дюже сильный.

– Мне не меч твой нужен, а ум, – князь повеселел. – Мечей у меня хватит. Именем моим бери что нужно.

Людей и припас – сколько потребуется. Без отчета. Я тебе верю!

«Как трогательно, – подумал Сергей. – Это ведь еще вопрос: кто из нас богаче».

Впрочем, помочь – надо. Чутьем улавливал Сергей: близко ходит беда. Заваривается что-то нехорошее... Сергей и

без «благословения» Ярополк послужил бы Киеву. Здесь все-таки его дом, его новая родина... Однако, заручившись абсолютной поддержкой князя, защищать родную землю намного проще.

А что не отдал ему Ярополк Блуда, так это правильно. Нет у Сергея доказательств вины боярина. А как только будут – тут Блуду и конец.

Ничего худого не сделал Сергею моравский боярин, а все равно воевода его не любил. Инстинктивно. Да и имечко такое зря не дадут. Что бы оно там ни значило по-моравски, а по-русски звучит совсем недвусмысленно.

Однако Блуд – это потом. Сейчас надо разобраться с этими ромеями-печенегами. Интересно, как дела у Артёма?

* * *

– Они ушли, – с огорчением сказал Славка.

– А ты чего ждал? – удивился Артём. – Они ушли сразу, как только стало ясно, что ты сбежал. Следующий вопрос – куда они ушли?

За разговором оба выехали к воде. Река обмелела. Пахло гнилью. Вдоль берега невысокой стеной рос камыш, и по нему было очень хорошо видно, где печенеги вошли в воду. И где они вышли на противоположном берегу, тоже было видно. Уже не по камышу, а по осыпавшейся круче.

– Переправляемся, – скомандовал Артём.

Растянувшись цепью, дружинники входили в воду.

Переправа сложности не представляла. Речка мелкая, дно песчаное, течение слабое. Многие гридни даже не покинули седел. Только затащили потуже мешки, в которых хранилась броня и та зброя и припасы, которые не любят воды.

На том берегу, правда, пришлось спешиться. На крутом склоне лошадам было трудновато.

Славка переправился одним из первых, вытянул наверх своего хузарского конька. (Когда Славку пленили, он, умница, сам домой прибежал). Потом – заводного. Заводным у Славки был трофейный жеребец ромейского печенег. Он был лучше «хузарина», но Славке еще предстояло выездить его под себя, а это дело – небыстрое.

Впереди лежала степь. Ковыльное море с волнами холмов и редкими островками деревьев. Но это было еще не Дикое Поле, а своя земля. Знаком этого торчала впереди деревянной раскорякой сторожевая вышка.

След, оставленный уходящими печенегами, был виден всякому. Трава, побитая сотнями копыт, за несколько дней не подымется.

Артём кликнул одного из сотников. Велел отправить гонцов к вышке. Оттуда должны были видеть, куда ушли копченые.

Сотни переправились. Отжимать одежду никто не стал, только вылили воду из сапог.

Два гонца галопом полетели к вышке и сразу потерялись

в высоком ковыле.

Артём уже собрался скомандовать: вперед, но тут вмешался Ионах:

– Погоди, братишка!

Артём поглядел на хузарина с удивлением. Всю дорогу до этого места хузарин не проявлял ровно никакого интереса к цели их похода. Он только и делал, что баловался со своим новым луком. Набил дюжины три зайцев, снимая не менее чем за сотню шагов, едва не подстрелил сокола, ловко схитившего одного из зайцев. Славка едва успел хузарина удержать: сокол, чей образ украшал стяг воеводы Серегея, был добрым знаком. Убить его – дурная примета.

Ионах, впрочем, не огорчился и сбил беркута, нацелившегося уполевать цаплю. Цаплю хузарин тоже сбил. Ее они съели вчера вечером. Оказалась жестковата.

– Погоди, братишка!

Артём удивился, но с командой повременил.

– Надо проверить, не ушли ли они по реке, – сказал Ионах.

Артём подумал немного – и согласно кивнул:

– Возьми Варяжку с сотней...

– Не надо, – мотнул головой Ионах. – Тебе нужнее. Мало ли – разделятся копченые. Дай мне Славку – и довольно. Он по тому берегу пойдет, я – по этому. Тех, что пошли рекой, много быть не должно. Управимся, – Ионах ласково коснулся дареного лука. – А если нет, так Славка за подмогой сбегает.

Артём подумал немного – и согласился.

– Ты – по этому берегу, я – по тому, – сказал Ионах Славке и решительно направил лошадь обратно в речку. Его боевой конь, опередив ехавшего на заводной Йонаха, первым плюхнулся в воду. Он, если не под седлом, обучен был, как охотничий пес, бежать впереди хозяина.

– Варяжко, – окликнул Артём своего лучшего сотника. И приказал: – Дай-ка Славке свой рог.

– Держи! – Варяжко бросил Славке длинный сигнальный рог. Такой за два поприща слышно. – Когда возвращать будешь – не забудь вина в него налить!

Варяжко был четвертым и самым младшим сыном Ольбарда, князя Беловодского, но вот уже семь лет жил в Киеве. Сначала – со старшим братом Трувором, потом – один. Когда Трувор уехал из Киева домой и забрал с собой своих родичей, Варяжко решил остаться. Привык он – в Киеве. Трувор указывать ему не стал. Сказал: поступай как знаешь. Так что из рода Варяжко не вышел. Однако оказался вроде как – сам по себе. Но – не один. Варягов в Киеве было немало. А славному воину место всегда найдется. Присягнул Варяжко князю, и Артём тут же взял беловодского княжича в свою лучшую тысячу. Сначала – десятником, потом – сотником. Ярополк – одобрил. Варяжко был ему по нраву. Это он одарил княжича прозвищем Варяжко. Родовое имя Варяжки было – Вольг.

– Пива! – пообещал Славка, подхватывая рог. – По края!

Хочу поглядеть, как ты потом будешь на лошадь карабкаться.

В сигнальный рог входил полный кувшин, и пить его надо было сразу, потому что узкий конец приходилось зажимать ладонью.

– Я его в седле выпью, – ухмыльнулся Варяжко.

– Вперед! – скомандовал Артём, и сотни двинулись по утопанному следу.

Ионах тем временем пересек реку и теперь, сидя боком в седле, выливал воду из сапог. Они у него были хузарские: широкие и мягкие, без ремешка поверху.

Почувствовав взгляд Славки, Ионах махнул рукой: езжай, мол, не жди. Я не отстану.

Славка несколько мгновений раздумывал, в каком направлении двинуться, потом сообразил, что речушка эта через полпоприща впадает в Рось, и в устье ее поставлен сторожевой городок, так что в ту сторону враг наверняка не пойдет.

А вот если вверх по течению, то ближайший городок не менее чем в трех поприщах. Славка потянул повод трофейного жеребца, а когда кони поравнялись, ловко перемахнул из седла в седло. Надо приучать красавца к новому хозяину.

Жаркое солнце летнего месяца травня уже успело высушить Славкину полотняную рубаху, но толстый войлочный подшлемник основательно пропитался водой и приятно охлаждал голову. Славка порадовался, что нынешний его

путь – вдоль реки. День обещал быть жарким.

Глава одиннадцатая

Упущенная нить

Киев. Лето 975 года от Рождества Христова.

Дикое Поле

– Не хочешь ты простой смерти, человек, – с сожалением произнес по-печенежски Варяжко и отпустил сальную косицу. Голова степняка глухо стукнулась оземь. – Или, может, я плохо говорю по-вашему и ты не понимаешь?

Это была шутка. Варяжко говорил по-печенежски очень хорошо. Не хуже воеводы Артёма. Младшая жена Варяжки – дочь хана печенегов Цапон Кутэя, погибшего при взятии Семендера, и сестра хана Илдэя, ныне – союзника Ярополкова. Киевский князь выделил печенегу несколько городков и земли в кормление. Правда, сначала печенегам крепко всыпали. А жену Варяжке сосватал два года назад Артём, который и вел с копчеными переговоры о мире. И это был не только политический ход, но и подарок доброму гридню. Печенежка была настоящая красавица...

...Ничего общего с плоской коричневой физиономией копченого, который сейчас скрежетал зубами от боли и ненависти, глядя на синеусого варяга.

Впрочем, родственные отношения с Цапон не могли помешать варягу вырезать печень печенегу из племени Воро-толмат. Но убивать пленника пока нельзя. Сначала надо кое-

что выяснить.

– Молчит? – спросил неслышно подошедший к сотнику Артём. – Другие тоже молчат. Или не знают ничего. Жаль, если мы побили всех, кто был осведомленнее.

Варяжко глянул на мертвецов-копченых, сваленных в кучу шагах в пятидесяти. На трупах уже орали и дрались падальщики.

– Их было слишком много, чтобы разбираться, – сказал он.

И был прав. Копченых оказалось почти четыре сотни. Больше, чем варягов. К той стае, которую преследовали гридни, присоединилась еще одна, не уступавшая первой в численности. Удача, что удалось застать их врасплох. Удача, что в темноте, с испугу печенег не смогли верно оценить число русов и больше думали о бегстве, чем о драке. Сражались только самые храбрые и те, кто просто не успел прыгнуть в седло.

Русы знали, как им повезло. И гордились своим везением, потому что удача достается храбрым и правым, потому что храбрым и правым благоволят боги. Или Бог.

И только Артём, которого вся его дружина считала самым удачливым, не радовался вместе со всеми.

Не наказывать печенегов ему поручил отец, а узнать, какую пакость готовят русам ромей. А вот тут удача от молодого воеводы решительно отвернулась.

То есть кое-что он, конечно, выяснил. Например, то, что

все пленники были простыми воинами из рода Воротолмат. И посягнули они на киевские земли не ради обычного лихого наезда, а потому что их хана об этом попросили.

Вкратце история была такова. К хану младшей ветви племени Воротолмат приехал старший родич. А с ним — какой-то важный печенег издалека. Спустя некоторое время хан поднял своих воинов и повел их в набег. Но не совсем обычный. Обыкновенно степная орда невеликой численности налетала разом, хватала все, что подворачивалось, и всех, кто не спрятался, и стремглав уходила в Дикое Поле.

А тут хан разделил ватажку. Один отряд повел сам, вроде бы в обычный набег, двигаясь почти открыто, пугая порубежников и грабя, что попадало под руку.

А другой отряд, числом поменьше, хан отдал родичу, который повел его скрытно, ни на кого не нападая и держась подальше от поселений. К этому отряду через некоторое время вышли здешние люди и приволокли с собой киевского гридня, который проявил себя настоящим витязем: свалил лучшего в племени богатыря, украл коня важного гостя и сбежал.

После этого события почти все степняки во главе со старшим родичем хана направились на оговоренное место, где должны были встретиться с остальными, а важный печенег, у которого дерзкий рус увел коня, со своими воинами, коих было четверо, и киевлянами остались в роще.

В оговоренном месте отряд из рощи двое суток ждал тех,

кто занимался разбоем. А когда дождался – подросли гридни Артёма, которым вдвойне повезло. Поспел они чуть раньше – и второй отряд их самих застал бы врасплох.

О дальнейших планах тех семерых, что остались в роще, никто из пленных не знал.

Вывод: Ионах оказался прав. Малый отряд врагов отделился от прочих и, скрываясь, пошел... Куда? Ясно, что не в Дикое Поле. На Полдень или на Полночь? К Роси-реке или к Солянному тракту?

Артём принял решение: трех наиболее говорливых пленных прихватить с собой в Киев. Остальных – отправить за Кромку догонять родичей. На продажу степняки не годились, поскольку единственное, что они умели, – грабить. Даже гребцами на ромейские корабли их не покупали. Беспокойства много, а толку – чуть. Без родной степи копченые быстро хирели и помирали.

Сопровождать пленных и захваченные трофеи Артём поручил Варяжке. Сам же решил идти напрямик через степь к Солянному тракту. Так выходило быстрее, чем возвращаться к той самой роще.

Впрочем, на успех Артём не очень надеялся. Разве что те, кого они искали, выйдут на тракт и оттуда двинутся к Сурожскому морю, что очень сомнительно.

Однако такова была натура воеводы Артёма: начатое – доводить до конца. Или хотя бы сделать все, что возможно.

– Мы сделали все, что возможно, – сказал Ионах, задум-

чиво глядя на серую полосу тракта, разрезающую надвое желто-зеленое травяное море.

Славка тронул коня и направил на мост, грубую, но прочную конструкцию из распущенных вдоль бревен. Трофейный жеребец – Славка назвал его Разбойником – не артачась, осторожно перешел мост. С каждым днем он слушался все лучше и лучше.

Место, где малый отряд печенегов вышел из реки, они отыскивали довольно быстро. Славка нашел, потому что вороги поднялись на берег на его стороне речки.

Печенегов в этом отряде было пятеро. У каждого – по заводной лошади. Из печенежских лошадей подкованы две. Еще две подкованные лошади, судя по отпечаткам, принадлежали морavam. На их следах можно было без труда различить значок-клеймо известной киевской кузницы у Подольских ворот, что на Копыревом конце.

Вороги явно спешили. Это было видно и по тому, что их кони то и дело переходили в галоп, и потому, что моравские лошади время от времени бежали налегке – их всадники пересаживались на печенежских заводных. Ионах со Славкой двигались значительно быстрее: у них кони были лучше и свежее, однако достать разбойников все равно не успели. Печенеги вышли к тракту вчера на закате. Сегодня утром их уже и след простыл.

Оставалась слабая надежда: догнать их уже на тракте. Славка не сомневался, что узнает и моравов, и того ро-

меня-печенег, который велел его убить.

Но от тракта во все стороны расползались пути-дорожки в окрестные селения. И по любой из них могли уйти те, кого они преследовали.

– Труби, – сказал Ионах. – Вдвоем нам не справиться, но если наши поблизости, можно попробовать. Люди здесь, чай, не слепые. Увидят печенегов – запомнят.

– А если они будут убивать всех, кого встретят? – спросил Славка.

– Я бы на их месте этого делать не стал, – заметил Ионах.

– А я бы на их месте переоделся, ну допустим, гузами. Или – уграми, – сказал Славка.

– А я бы и переодеваться не стал, – заявил Ионах. – Прикупил бы пару телег с добром – и ехал бы, не таясь. Купцы-моравы с охраной из степняков – обычное дело.

– Телеги – это слишком медленно.

– Зато надежно. Труби!

Славка протрубил боевое: «Все – ко мне!» Сигнал не по чину: такой могут подавать гридни не ниже сотника, но ничего лучшего в голову не пришло. Хотя почему не по чину? В хузарской тматороканской коннице Ионах стоял повыше обычного сотника, а сигнал подан по его слову. Вот на отклик Славка не особо надеялся. Однако не успел он трижды повторить сигнал, как со стороны Сурожа откликнулся боевой рог. Причем настолько близко, что Славка сразу узнал: брата Артёма рог.

Вскоре над дорогой поднялся столб пыли, а чуть позже появились идущие на рысях сотни.

– Ну, теперь отыщем! – обрадовался Ионах.

Но хузарин ошибся. Шесть дней грядни частым гребнем прочесывали расположенные вдоль тракта селения. Безрезультатно.

* * *

Они встретились под сенью священного дуба. Хотя нет, священным он был только для одного из них: косматого меднобородого деревлянского волоха. Для его собеседника все деревлянские боги не стоили медной монеты. Но, разумеется, он никогда не сказал бы этого вслух. Здесь, в деревлянской чаше.

– Вот этого должно хватить, – сказал собеседник волоха, открывая ладонь. На ладони этой, покрытой жесткими буграми мозолей, лежали четыре золотые номисмы.

Было довольно странно видеть золото у человека, одетого так, как обыкновенно одеваются холопы или совсем бедные смерды – в дерюжные штаны и такую же рубаху, простую, без вышивки, выбеленную солнцем и подпоясанную веревкой.

Но волох не удивился. Когда его собеседник поднял руку, волох сумел уловить чуть слышный металлический шелест. Под белой тряпкой скрывалась кольчуга. И пахло от человека не землей и потом, а кожей и воском. Да и рука, на кото-

рой лежали монеты, мало походила на заскорузлую руку пахаря. Мозоли эти – не от сохи. Например, вот эта, на большом пальце, – от особого кольца, которым воины натягивают тетиву сильного лука. У деревлян таких луков нет, но кольца подобные волох видел. На пальцах у гридней киевского князя.

Этот человек не был киевским гриднем. Нет в Киеве гридней-печенегов. А в том, что перед ним – печенег, волох не сомневался. Печенеги – не враги деревлянам. Нечего им делать в дремучих лесах. То что ромейский вождь прислал печенега – это правильно. Еще правильнее то, что он прислал золото.

В давние времена народ деревлянский сам дарил своим богам солнечный металл. Теперь это делают чужие. Многие нынче ищут дружбы деревлян. Потому что знают о кровной ненависти их к Киеву. Деревляне – надежны. Они многое могут скрыть в своих лесах. Многое и многих.

Волох молчал, и чужак решил, что деревлянину оплата кажется малой.

– Это все, – сказал он. – У меня больше нет. Было, но...

Чужак не закончил, но волох ему поверил. Он умел чужья ложь. Хотя и не знал истинной цены ромейских солидов. Обычно враги Киева платили серебром.

– Скажи мне, что ты задумал.

Посланник ромеев настороженно огляделся. По глазам видно: за каждым стволом ему чудится послух.

– Нас никто не услышит, – сказал волох. – Говори.

И чужак заговорил. Он был здесь впервые, но о Руси знал многое. И он был хитер, этот посланник ромеев. Сам волох никогда бы до такого не додумался.

– Хорошо, мы поможем, – сказал деревлянин, и четыре золотых кругляша исчезли в складках мехового плаща.

Волох помог бы ромею-печенегу и без всякого золота. Род Свенельда-князя ему также ненавистен, как род Игоря Киевского. И весь риск – на чужаке. Если чужака убьют, золото все равно останется.

– Жить будешь на капище, – сказал волох. – При мне. Наши охотники узнают для тебя все, что ты захочешь. Только учти: захочешь помолиться своему ромейскому богу – отойди от наших богов подальше. Не любят они его. Могут и забить, что ты подарил им золото.

– Откуда ты знаешь, что я – христианин? – спросил ромей-печенег.

– Я не знаю, я – *ведаю!* – сурово произнес волох. – Помни об этом, если захочется тебе промыслить недоброе моему племени.

– У нас – одна цель, – спокойно произнес гость. – Только я не промахнусь... Как промахнулся твой человек. Ты выбрал лучшего стрелка, а надо было – лучшего воина.

– Ты, что ли, лучший? – недобро усмехнулся волох. Слова чужака его задели. И то, что он знал о промашке деревлянского охотника.

– В страже моего господина служил один нурман, – спокойно произнес чужак. – Он рассказывал историю о злом боге, который вложил смертельную стрелу в руку слепого стрелка, – и тот убил своего собственного родича.

– Что с ним стало? – спросил волох.

– Со стрелком? Его растерзали свои.

– Нет, с тем, кто вложил стрелу?

– Он был недостаточно осторожен, – сказал гость – Мы не повторим его ошибки.

* * *

Моравский боярин Блуд был совсем не похож на деревлянского волоха. Он знал цену номисм. Однако, пряча в ларец полученное от доверенного купца ромейское золото (много больше, чем четыре монеты), христианин Блуд думал точно так же, как жрец-язычник. Коли выйдет все у ромейского засланца, станет тогда Блуд главным советчиком Ярополка. Не выйдет – значит, останется одно только золото.

Ромеи, хоть и хитры, да глупы. Не ведают того, что не станет сын Святослава на отцов путь. Не та у него закваска. Никто из сыновей князя-пардуса не унаследовал его славу и удачу. Ярополк – добрый князь, но нет в нем свирепого воинского духа, побуждающего к подвигам. Олег – слишком молод и слаб. И старший брат никогда не даст ему подняться. Владимир... Владимир был бы хорош: храбр, силен, неглуп.

И вдобавок — язычник. Нет у него пиетета перед оплотом истинной Церкви, коей является Константинополь для Ярополка Киевского. Блуд о Владимире много знает. С дядькой его, Добрыней, они в крепкой связи. Через Блуда Добрыня много добра в южные края продал. Это и Блуду выгодно, и Добрыне. Без Блуда северный товар мимо княжьей казны не продать. Владимир мог бы поддержать славу отца...

Но Владимир сидит далеко, в Новгороде, и потому в Царьграде его в расчет не берут. А берут там в расчет то, что напели ромейским купцам доверенные люди Блуда. Мол, грозен Ярополк. А что молод, так на то при нем князь-воевода Свенельд. Тот, что вместе со Святославом Хазарию и Булгарию взял. И на Фракию с Македонией ходил. Свенельд знает, как с Византией воевать, и Ярополка тому научит. Конечно, Свенельд немолод, однако у него сын есть. Тоже славный воевода, из Святославовых ближников. Тоже ветеран болгарских и ромейских войн. Словом, бойтесь, ромеи, Киева!

Такова, по мнению Блуда, была самая верная политика. Ромеи, когда не боятся, — грабят, а, когда боятся, — платят. В данном случае платят ему, Блуду. За верные вести и содействие. Правда, в тот день, когда посланник передал ему деньги, Блуд еще не знал, что сделка будет стоить ему двух верных слуг.

От дурней пришлось избавиться, однако за каждого из них Блуд выставил ромеям счет: по двадцать марок серебром. Это справедливо. Ведь сын воеводы удрал исключи-

тельно из-за попустительства ромея-посланца.

Надо же! Ромей с рожей копченого – сын патрикия империи! Кого только не выносят на гребень власти причуды имперской политики!

Блуд всего один раз был в Константинополе – в свите старой княгини, – но считал, что знает об этом городе все.

Он был очень высокого мнения о своем уме, боярин Блуд. И считал, что неплохо умеет мыслить по-византийски. Лучше всех в полуварварском городе Киеве.

Единственный, кто, по мнению Блуда, был для него опасен, это старый Свенельд. Тем приятнее получить золото за то, чтобы его избавили от главного врага.

Блуд хихикнул, спрятал шкатулку на дно сундука и запер хитрый византийский замок. Пожалуй, сейчас самое время попробовать новую наложницу, которою ему привезли из Шемахи. Как она похожа на княгиню Наталию. Именно из-за этого сходства приказчик Блуда и купил девку. Знал, собака, что хозяин вожделеет к княгине.

Но Ярополк об этом знать не должен. Так что Блуд попользуется девкой, а когда она ему надоест, подсунет ее через третьи руки кому-нибудь из своих недругов. А потом постарается, чтобы князь о девке узнал. И одним соперником у Блуда станет меньше. Воистину здесь, в Киеве, нет никого хитрее боярина Блуда!

– Этот Блуд хитер, как шакал! – сердито сказал Йонах. – Клянусь своей саблей, он сам их и зарезал!

Двух моравян нашли сегодня утром в одном из закоулков Щекавицы. Мертвых и ободранных до нитки.

– Может, и сам, – не стал спорить Сергей. – Но мы этого уже не докажем. Надо было поймать их, пока они были живы.

Трое родичей: Артём, Славка и Йонах – понурили головы.

– Бог с ними, – сказал воевода. – Зато мы теперь знаем, кто у нас в Киеве дружит с ромеями. Рано или поздно вы поймаете его на горячем.

– Поймаем! – воскликнул Йонах.

– Обязательно поймаем, бать! – поддержал его Славка.

Артём промолчал. Потому что он знал Блуда лучше, чем братья.

Позже он отозвал Славку в сторону:

– Помнишь, я говорил тебе о ромее, который наших булгар обижает?

– Ромее? Каком?

– Забыл! – укорил старший брат. – Матушке опять жаловались. Ходит на церковный двор. Бесчинствует. К женщинам пристаёт.

– Так, может, это... Князю пожаловаться? – предложил Славка.

– На что? Слова обидные при всем народе повторять? Еще больше стыда. Да и сам посуди: ромей этот не от себя безобразие творит. Кабы так, его бы уж давно сами прихожане окоротили. Значит – сила за ним. Вот и узнай, чей это ромей и кто он таков.

– Узнаю, – пообещал Славка. – Нынче же займусь.

Глава двенадцатая

Ромейская хитрость моравского боярина

Лето 975 года.

Стольный град Киев

– Ох и удачлив ты, Славка! – с восхищением произнес Антиф. – Мало что от печенегов ушел, так еще и с такой знатной добычей! Нет, у вас в роду все дивно удачливы. И батя твой, и брат...

– Удача удачей, а Славка на мечях – лучше всех в младшей дружине! – перебил Малой, который не любил, когда говорили об отцах и о роде, поскольку собственного отца не знал, а весь его род – теремная девка-холопка, помершая от грудной болезни, когда Славке не исполнилось и десяти лет.

– А я зато из лука лучше бью! – не преминул похвастать Антиф.

– Эко диво! А я... А я... – Малой задумался, чем бы таким похвастать.

– ...Самую большую кучу наложить можешь, – подсказал Антиф.

– Счас как дам больно! – рассердился Малой и показал Антифу кулачище.

Антиф фыркнул:

– Я тебе что, купчик новгородский? Хочешь силой помериться – давай! Конно и на копьях! По-нашему!

– По какому еще по-вашему? – скривил рожу Малой. – По-ромейски, что ль?

– А ну умолкли оба! – гаркнул Славка, угадав, что дружки его могут поссориться всерьез. – Хорош орать! Дело есть!

Малой и Антиф поглядели на него. Потом злобно – друг на друга. И опять – на Славку.

– Что за дело? – буркнул Антиф.

– Брат меня попросил... – Славка сделал паузу.

Дружки сразу забыли о ссоре. Славкин брат – воевода. Если он о чем-то просит – это действительно *дело*.

Славка еще помедлил... Он и сам забыл об Артёмовой просьбе. Хорошо, Малой вовремя про ромейскую кровь Антифа вспомнил.

– Ромей один есть, – сказал он негромко.

Антиф сразу набычился. Решил – на него намекает дружок. Славка сделал вид, что не заметил Антифова взгляда исподлобья, продолжил:

– Сказали брату: ромей этот прихожан болгарской церкви обижает. Брат хочет знать, что это за ромей и кому служит?

* * *

А вот боярин Блуд знал, кому служит ромей, донимающий болгарский приход.

Он очень многое знал: может, больше любого в Киеве. У него было множество послухов и еще больше – доверенных людишек. Однако по-настоящему доверял Блуд только своим. Моравам. И в ближниках у него были тоже свои. Вместе с ними он покинул Моравское княжество, когда дела там пошли худо. У него было очень хорошее чутье на беду. И еще на то, как разбогатеть. И верным способом приумножить богатство была дружба с ромеями, которые не жалели золота, когда речь шла о безопасности империи. Посему Блуд делал все возможное, чтобы уверить Царьград в том, что Киев и киевский князь спят и видят, как бы сокрушить Византию. В империи еще помнили, как отец нынешнего князя Святослав грабил Фракию и Македонию в союзе с булгарами и печенегам. Булгар василевс Иоанн Цимисхий согнул под колено, Святослава изгнал и подставил под сабли печенегов. Но даже посрамленные булгары – по-прежнему враги. И сын Святослава привечает в Киеве болгарских священников, а вот константинопольских не жалует. И с большими печенежскими ханами дружбу налаживает. Для чего? Конечно, для того, чтобы заедино с ними ударить по Второму Риму.

Много было в Киеве людей, шпионивших в пользу Константинополя: купцы, священники, разные купленные людишки... Но самым доверенным человеком считали в Палатине боярина Блуда.

Потому что Блуд говорил правильные слова, в которые легко было поверить хитрым и коварным, не верящим нико-

му и ничему византийским политикам. А говорил он именно то, что они хотели услышать: о хитрости и коварстве, о лжи и жажде наживы.

И еще потому, что Блуд был самым дорогим агентом Константинополя у русов. И когда палатинские политики видели, сколько золота уходит на подкуп Блуда, то уже не могли усомниться в его преданности.

И они – верили.

Вот почему у Ярополка не было никаких шансов убедить Константинополь в своем миролюбии.

Но Блуд не считал, что приносит вред Киеву и князю. Глупо резать корову, которая дает молоко, лишь для того, чтобы понравиться другой корове. Блуд считал, что понимает ромеев намного лучше, чем его князь. С ромеями нельзя дружить, потому что друга империя высушит, как паук – муху. У империи, как и у императора, нет друзей. Только подданные. И враги. Причем слабых врагов империя старается уничтожить, а сильных – подкупить.

Поэтому ромейский посол уедет домой, увозя с собой дополнительное уложение о торговле, в котором для купцов-русов (многие из которых были людьми Блуда) было выговорено немало льгот. Не опасайся ромеи Киева, получить эти льготы было бы намного сложнее. И заслуга в этом – не ласкового Ярополка, а хитрого Блуда.

В общем, дела боярина шли отлично. Однако были и сложности. Костью в горле сидел у боярина князь-воевода

Свенельд. Сотни гривен не пожалел бы боярин, чтобы избавиться от старого воеводы, чтобы прибрали его к себе проклятые языческие боги. Только Свенельд мешал Блуду полностью прибрать к рукам Ярополка. Остальные – не в счет. С остальными можно договориться. Или купить. Или очернить. Или – подставить. Со Свенельдом так не выйдет.

Свенельд ни за что не разгадает Блудовых хитростей, но он, старый лис, переживший трех великих князей, нюхом чувствует подвох. И Ярополк ценит его выше прочих. Выше Блуда. И избавиться от него непросто. Такое Блуд не доверил бы даже самым близким. Да им и не справиться. Одно хорошо: ромеи тоже очень хотят избавить мир от князь-воеводы Свенельда. Они искренне верят, что Свенельд направляет сына на путь отца, на путь, ведущий к воротам Царьграда. Убрать Свенельда руками ромеев – вот это воистину византийская ловкость. Правда, добраться до князь-воеводы нелегко. Окружают его исключительно доверенные люди. Все, что он ест и пьет, проверяет особый человек. Так не принято в Киеве, но Свенельд завел этот обычай еще во времена булгарской войны, потому что знал, как легко погубить человека с помощью яда. Убить же его железом и вовсе невозможно. Это Ярополк ходит в церковь в одной рубахе, а Свенельд на людях всегда в броне. И в окружении бдительных гридней. Его не подшибешь деревянским срезом.

Вспомнив об этом событии, Блуд слегка помрачнел. Что было бы, если бы охотник ухитрился убить Ярополка? Для

Блуда – ничего хорошего. Потому что старшим в Киеве, как ни крути, выходил все тот же Свенельд. Младший брат Олег княжит в Овруче, и дружина у него такова, что оспаривать с ней киевский стол просто смешно. Владимир... Владимир – другое дело, но Владимир – далеко. И ветераны Святослава скорее возьмут сторону Свенельда, чем Владимира. И другие киевские воеводы – тоже со Свенельдом дружны. А уж кичливые киевские бояре никогда не поратуют за рабичича. Так что Блуд был весьма благодарен младшему сыну воеводы Серегея. Но очень постарался, чтобы старший сынок воеводы не нашел никаких следов древлянского охотника. Сам-то Блуд все узнал уже на следующий день. И даже послал своих верных моравов к древлянам. Не карать – договариваться. У них как-никак общий враг. Это ведь не Ярополк жег Искоростень и резал древлянских жрецов. Это делал Свенельд. И его сыновья. Моравы Блуда покажут волхвам истинного врага. А уж там... Говорят, древлянские жрецы могут колдовством извести человека. Вот и выяснится, враки это или правда.

Глава тринадцатая

Суд богов

Лето 975 года.

Окрестности Киева. Дорога на Вышгород

Перекресток был запружен народом. На всех четырех его концах стояли, сбившись одна ко одной, оставленные повозки. Часть упряжных лошадок, сунув головы в торбы, похрустывала овсом. Другие, хозяева которых были не столь заботливы, стояли праздно и покорно, время от времени дергая шкурой и отмахиваясь хвостами от зудящих кровососов. Сами же погонщики, нисколько не сетуя на затор, присоединились к толпе, которая тоже возбужденно гудела и жужжала, будто огромный слепень, в ожидании редкого и увлекательного развлечения: предстояло увидеть божий суд.

Спиной к солнцу, толстый и важный, сидел на высоком стуле княжий тиун.

Справа и слева от него, в окружении челяди, стояли тяжущиеся: ромейский купец Серафимий Собачий Глаз и нурманский вождь с популярным у скандинавов именем Фроди. Этого звали, чтобы не путать с другими, – Фроди из Хредлы.

Причина спора вполне соответствовала тяжущимся. Деньги.

Фроди взял у Серафимия полдюжины дорогого синдского аксамита, проплатив вперед золотыми арабскими монетами.

Все, о чем уговорились. Так утверждал Фроди. А вот купец считал, что получил от нурмана только половину сговоренной суммы. Аванс, так сказать.

Тиун, получивши мзду от обеих сторон и сосчитав выдаков, решил, что истину ведают только боги.

Нурман с удовольствием воспринял такое решение, потому что считал себя великим поединщиком. Во всяком случае, много лучшим, чем какой-то там ромей или кого там он вместо себя выставит.

Серафимий, вопреки ожиданиям, оспаривать решение тиуна не стал. К немалому огорчению тиуна, который очень надеялся получить от Собачьего Глаза взятку за отмену вердикта, дающего преимущество воинственному нурману.

Фроди, огромный, как и подобает нурману, волосатый, грозный, в вороненых доспехах, с мечом в два локтя длиной и тяжелым пешим щитом с железной оковкой, сдвинув на затылок шлем, надменно глядел на собравшихся. Он был уверен в победе. Эту уверенность разделяли его спутники: четверо таких же мощных нурманов и десятка полтора холопов и трэлей, давно привыкших к тому, что если хозяин решил кого-то убить, то этот кто-то – считай, уже покойник.

Однако Серафимий выглядел уверенно. И его поединщик тоже смотрелся неплохо. Высокий, длиннорукий, уступавший нурману массой, но не шириной плеч.

На ромейском поединщике были хорошие доспехи и открытый шлем с длинной стрелкой. Меч его был выкован зна-

менитым константинопольским оружейником, о чем свидетельствовало клеймо на основании клинка, и стоил почти столько же, сколько спорные полдюжины китайского шелка. Впрочем, о клейме знал только сам поединщик. Щит у ромея был меньше нурманского, зато – трехслойный, из бычьей кожи и вязкого дерева, усиленный стальными спицами и бронзовым листом. Звали ромейского поединщика – Фистул.

Трое княжьих дружинников, верхами, приблизились к месту поединка. Толпа почтительно раздвинулась, уступая дорогу.

– Это он? – спросил Славка.

– Он, – подтвердил Малой. – Три божьих суда за четыре седмицы.

– Нурман знает? – поинтересовался Антиф.

– Откуда? Он в Киеве пятый день. Да и сам подумай: будет *нурман* что-то там *вызнавать*?

– Будет, будет! Если где золотишко плохо лежит, так непременно! – Малой засмеялся.

Окружавшие посмотрели на него неодобрительно. Нехорошо веселиться на серьезном деле. Впрочем, вслух никто не укорил. Люди, чай, не простые, а княжьи. Лучше помалкивать.

Ромей поиграл клинком, согревая руку. Попрыгал то на одной ноге, то на другой, забавно покрутил головой.

В толпе кто-то хихикнул. Поведение ромея показалось забавным.

– Скоморох, – проворчал кто-то из спутников нурмана. – Позор нам! Выставили против Фроди скомороха.

– Им же хуже, – ухмыльнулся другой. – Фроди его пополам развалит.

– Знакомая повадка, – негромко произнес Славка. – Похоже, мастер ромейского боя этот Фистул.

– Не был бы мастер, не выставили бы его на божий суд, – резонно ответил Антиф. – А откуда ты про ромейский бой знаешь?

– Поучился немного, – сказал Славка. – Батя для себя и для Артёма ихнего мастера нанимал. А я уж потом – у Артёма.

– Ну начинайте уже! – закричал кто-то.

– Начинайте! – разрешил тиун.

Фроди из Хрелды вскинул руки и заревел страшным голосом:

– О-один!

И побежал на ромея.

Тот на прямую сшибку не пошел. Отпрыгнул в сторону и попытался достать нурмана сбоку. Фроди развернулся с медвежьим проворством, отшиб меч краем щита и пнул ромея в колено.

Фистул подобного не ожидал и не удержался: упал на бок. Толпа ахнула.

Фроди с ревом обрушил на ромея меч. Защититься от удара такой силы было невозможно. Ромей и пробовать не стал.

Бросил в лицо Фроди щит, а сам рыбкой поднырнул под руки нурмана.

Меч Фроди расшиб щит на лету и воткнулся в утоптаный грунт. Да так и остался торчать, – а сам нурман, булькая пропоротым горлом, повалился наземь.

Ромей легко вскочил на ноги и раскланялся. Точно скорох. Но никто не засмеялся.

– Божий суд свершен! – провозгласил тиун. – Почтенный Серафимий вправе получить недостачу или взять обратно свой товар. Сверх того неправому Фроди надлежит выплатить князю за обман малую виру: две серебряные гривны. Поскольку же сам Фроди сделать этого не может, то вира будет выплачена родичами или взыскана с имущества покойного.

– Поехали, – сказал Славка. – Мы видели, что хотели.

– Я вот ничего увидеть не успел, – проворчал Малой. – Разве ж это бой? Так свиной режут! Я бы на месте того нурмана, когда ромей завалился...

– Ничего ты не понял, – усмехнулся Славка. – Думаешь, это нурман его свалил? Да он, хитрец, нарочно упал. И поймал нурмана – как несмышленного отрока. Такого, как ты.

Антиф засмеялся.

– Поглядел бы я, как ты бы с этим Фистулом сразился... – проворчал обиженный Малой.

– Я с ним сражаться не буду, – покачал головой Славка. – Мне брат насчет сразиться ничего не говорил. А вот узнать,

откуда такой ловкий Фистул выискался, – хотелось бы.

Узнали. Вернее, узнал Антиф. Пользуясь своей ромейской внешностью и неплохим знанием языка, отрок переоделся в платье мелкого купчика из Климатов и отправился на ромейское подворье. Там угостил вином пару-тройку обитателей – и услышал много интересного.

Прибыл ловкий поединщик прямиком из Царьграда, где слыл одним из самых умелых бойцов. Ромейские купцы наняли его за большие деньги именно для таких дел, какое давеча видели друзья. Среди ромеев Фистул слыл непобедимым. Говорили даже, что он когда-то скрестил меч с самим Иоанном Цимисхием. Говорили об этом на ромейском подворье, но – только среди своих. В Киеве слава Фистула поначалу была невелика, что тоже было на руку ромеям. Однако сейчас о нем уже знают и стараются не связываться.

– Про Цимисхия – брехня, – сказал Антиф, – а вот остальное – чистая правда. За победу над Фроди Серафимий заплатил ему три золотых.

Нарядил Фистула пугать прихожан болгарской церкви священник ромейской церкви, соседствующей с болгарской. Этого ромейского иерея соплеменники не жаловали, поскольку был он невежественен и корыстен. Однако побаивались, потому что, по слухам, иерей этот наушничал одному важному евнуху в Палатине и мог запросто отправить обидчика в узилище.

Однако простым киевским христианам на константино-

польские связи иерея было наплевать и они предпочитали посещать болгарскую церковь, где вдобавок и служили не на ромейском, а на понятном всякому словенском наречии.

Фистулу надлежало каждое воскресенье являться к болгарской церкви и творить там всякое безобразие. Но – без серьезного членовредительства, чтобы не довести дело до княжьего суда. Во всех иных случаях дело можно было свести к суду поединком, что Фистула полностью устраивало.

Безобразничал нанятый ромей уже два светлых воскресенья и отвалил от болгарской церкви значительную часть паствы.

То, что священник болгарский дружен с женой воеводы Серегея, ромей во внимание не принял. Может, обнаглел до крайности, а может, просто не знал, поскольку родовичи Серегея молиться ходили в церковь на Горе.

– Интересный у вас, у христиан, Бог, – посмеивался Малой. – Кабы кто подобное у Перунова святилища учредил, да еще в праздничный день, так ему бы живо кровушку пустили. Да хоть и не про Перуна, а про Волоха сказать. Можешь ты такое представить, Славка, чтобы Волохов жрец из Полоцка пришел на капище, допустим, в смоленской земле и там безобразничал? Я вот – не могу. Неужели Бог ваш такое прощает?

Славка смущенно молчал, а вот Антиф нашелся:

– На смоленской – не знаю. А вот на древлянских капищах, где старым богам лесовиков служат, и не такое случа-

лось.

– Так то разные боги, – резонно заметил Малой.

– Может, и разные, да только всем им, кумирам, тот хорош, кто кровью губы мажет. А наш Бог – истинный. И зла не приемлет. А коли Фистул этот его творит, значит он Бога плохо понимает и за то будет наказан.

– А вот это точно! – весело поддержал Антифа Славка. – Я Артёму сегодня же все обскажу, и, Перуном клянусь, Фистул этот очень сильно пожалеет, что полез куда не надо.

Глава четырнадцатая

Ромейский Фехтовальщик и варяжский воевода

Киев.

Лето 975 года от Рождества Христова.

Подворье болгарской церкви близ Смоленских ворот

Пугать схизматиков Фистул теперь ходил почти ежедневно. В саму болгарскую церковь не заходил. Прохаживался во дворе, говорил обидные слова на местном языке, которым его научили. Вообще-то речь здешних язычников Фистул почти не понимал, но это не имело значения. Язык железа везде одинаков. Так же, как и запах труса. А здешние схизматики все оказались трусами. Никто не осмеливался бросить Фистулу вызов. Что бы он ни говорил... Что бы ни делал. Хотя мужи среди схизматиков попадались матерые. Здесь, в Киеве, вообще было много здоровенных сильных и выносливых мужчин. Не зря в Византии так ценятся скифские рабы. Поначалу Фистул даже опасался: вдруг набросятся все вместе. Для этого всегда брал с собой полдесятка охранников с ромейского подворья. Но они ни разу не понадобились. Стояли в сторонке, зубоскалили над местными законами, которые позволяли чужеземцам, таким как Фистул, обижать коренных граждан.

В этот день у Фистула было особенно хорошее настроение. Вчера у него был суд... То есть то, что местные называли судом. Фистулу очень нравился закон, по которому прав тот, кто лучше владеет мечом. Правда, иной раз родичи убитых Фистулом пытались ему отомстить... Фистул убил шестерых, пока киевляне поняли, что Фистул им не по зубам. И опять Фистула никто не наказал за убийство. Хорошие законы в Киеве. А вчера Фистул выиграл суд, даже не вынимая меч из ножен. Соперник только глянул на ромея – и сразу сдался. Но денежки Фистул все равно получил.

– Куда ты так торопишься, девка? – по-ромейски воскликнул Фистул, преградив дорогу симпатичной еретичке. – Здесь церковь, а не лупанарий. Хотя есть ли разница между вертепом и этим богопротивным строением! – Фистул захотел – очень ему понравилась собственная шутка.

Киевлянка отшатнулась испуганно. Ромей ухватил ее за руку и привлек к себе. Девушка закричала. Пускай кричит – никто ей не поможет. Но когда она рванулась изо всех сил – Фистулу пришлось ее отпустить. Он не хотел, чтобы у девки порвалась одежда. То есть сам Фистул охотно содрал бы с нее все и завалил тут же, во двореке. Но в женском вопросе удобные киевские законы дали промашку. За разорванную одежду полагалась немалая вира. А за насилие могли и вовсе казнить. Правда, сначала пришлось бы доказать, что имело место насилие... Но лучше не рисковать. В городе довольно женщин, готовых еще и приплатить, чтобы лечь под такого

доблестного мужчину, как Фистул.

Выпустив девку, ромей поймал за рубаху какого-то схизматика и сообщил ему, что тот рожден от соития козла со свиньей, а потому он, Фистул, сейчас пустит его на колбасу. Это была одна из фраз на местном языке, которую Фистул выучил наизусть. Действовала она отлично. Схизматик побелел от страха и бросился вон со двора.

Фистул снова захохотал.

– Вижу, тебе весело, византиец? – раздалась за спиной Фистула родная речь.

Фистул стремительно обернулся. В трех шагах от него стоял молодой чернявый парень невысокого роста.

«Не местный», – определил Фистул. Наверное, болгарин.

Ромейский поединщик угадал ровно наполовину.

– Я думаю, ты уже достаточно повеселился здесь, – сказал парень. – Пошел вон. И чтоб я тебя больше здесь не видел.

Прежде чем ответить, Фистул очень внимательно оглядел храброго паренька. Вопреки внешней видимости, Фистул был очень осторожен и никогда не бросался в атаку, не оценив силу возможного противника. И если Фистул понимал, что противник сильнее, то старался избежать драки. Невысокий паренек не выглядел очень грозным. Шелковая рубаха со свободными рукавами, шелковые штаны с кожными вставками для верховой езды... По мускулатуре рук Фистул мог с большой точностью определить, чем занимается человек. Но легкий свободный шелк прятал все. Впро-

чем, шелк тоже кое о чем говорил. Не всякий киевлянин может позволить себе одежду из паволоки. Еще был пояс с мечом. Правда, стоял парень так, что Фистул не мог видеть рукоять меча. Жаль. Оружие многое могло сказать о своем хозяине. Оружие и мускулы. И телосложение. Сложен парень так, что, будь они в Константинополе, Фистул решил бы, что перед ним гимнаст. Худощавый, ловкий, гибкий... Возможно, умеет пользоваться клинком. Но вряд ли так же хорошо, как опытный поединщик.

Вот только голос этого булгарина Фистулу не понравился. Голос человека, абсолютно уверенного в своем превосходстве.

Фистул был опытен, а значит – осторожен. Он попытался прочесть историю парня по его лицу. Красавчик. По крайней мере на местный манер. Черные усы, кончики которых опускаются ниже подбородка. Фистулу уже было известно, что такие усы носят варяги. Это сословие местных воинов. Но иметь на физиономии такие усишки не возбранялось никому. Да и лицо у парня чистое: ни одного шрама. Правда, у василевса Иоанна Цимисхия лицо тоже было чистым. Фистул видел императора Иоанна не однажды и довольно близко. Как-то раз им даже довелось скрестить клинки в игровом поединке. Василевс, который тогда еще не был василевсом, а был всего лишь популярным стратегом, любил пофехтовать с умелыми бойцами. Цимисхий, соответствуя своему

прозвищу,⁷ ростом не выделялся, зато был плечист и руки у него были даже длинее, чем у Фистула. Надо сказать, будущий император оказался намного лучше Фистула. А уж любого из здешних варягов Цимисхий прикончил бы за три вдоха.

Нет, вряд ли этот парень – варяг. Варяги по большей части светловолосы и мощного телосложения. А этот – невысок и черняв. Лицом – вылитый болгарин. Скорее всего он просто нахальный мальчишка, привыкший командовать слугами. Надо полагать, папаша у него очень богат.

---

⁷ Цимисхий – маленький.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.